

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

2/2022

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки»

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынькова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист 1 категории **А. К. Ярошенко**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одогова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынькова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семыкина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семыкин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Yaroshenko**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +7(949) 36-707-35, +7(949)36-707-35 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 6 от 28.06.2022 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 2/2022

СОДЕРЖАНИЕ

Анисимов А. В., Бессонов А. М.

Правовое регулирование оборота земельных участков,
занятых гражданскими захоронениями:
проблемы теории и практики 3

Броварь А. В., Загородний В. В.

Эволюция права во внешней политики Японии:
проблемы и перспективы развития 14

Герасименко Ю. В.

Добросовестность как ценностный элемент
правовой культуры 24

Кулакова Е. В.

О сущности современного парламентаризма 31

Манивлец Э. Е., Свиридова К. Е.

Проблемы информационной безопасности в рамках
современного правового дискурса 38

Невлев В. В.

Исторические особенности правового регулирования
кредитно-кооперативных закономерностей 46

Смирнова Е. В., Титов М. А.

Правовое регулирование государственных корпораций
в зарубежных странах 56

Хоруженко К. А.

Правоохранительная система Донбасса в период новой
экономической политики (1920-е годы) 65

Правила для авторов 78

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 2/2022

CONTENTS

Anisimov A., Bessonov A.

Legal regulation of the turnover of land plots occupied
by civil burials: problems of theory and practice 3

Brovar A., Zagorodniy V.

The evolution of law in Japanese foreign policy:
problems and development prospects 14

Gerasimenko Yu.

The good faith as a valuable element of legal culture 24

Kulakova E.

On the essence of modern parliamentarism 31

Manivlets E., Sviridova K.

Problems of information security in the framework
of modern legal discourse 38

Nevlev V.

Historical features of legal regulation of credit
and cooperative patterns 46

Smirnova E., Titov M.

Legal regulation of state corporations in foreign countries 56

Khoruzhenko K.

The law enforcement system of Donbass during the period
of the new economic policy (1920s) 65

Guidelines for authors 78

УДК 347.215

Анисимов А. В.

Бессонов А. М.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, ЗАНЯТЫХ ГРАЖДАНСКИМИ ЗАХОРОНЕНИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье проводится анализ фактически возникающих у физических лиц прав на земельные участки, поименованные как места захоронения. Авторами выдвигается и обосновывается тезис о возникновении у лиц права пожизненного наследуемого владения на место захоронения, как неотъемлемой части земельного участка, занятого гражданскими захоронениями и входящего в публичный домен. Анализируется разработанный законодателем понятийный аппарат в рассматриваемой области. Приводятся предложения по реформированию действующего законодательства со ссылками на положения нормативно-правовых актов ФРГ.

Ключевые слова: земельный участок, вещь, захоронение, публичный домен, правопорядок, оборотоспособность.

Согласно существующему в Российской Федерации правопорядку, объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому любым способом, не запрещенным действующим законодательством, за исключением тех случаев, когда такой объект ограничен в обороте [3]. При этом, положениями пп. 9. п. 4 статьи 27 Земельного кодекса РФ предусмотрено, что земельные участки, занятые находящимися в федеральной собственности гражданскими и воинскими захоронениями (далее – «Участки под захоронение»), являются вещами, изъятыми из оборота [4]. Исходя из совокупного анализа приведенных положений следует, что гражданско-правовые нормы не применимы к объектам, изъятым из оборота, поскольку последние, в силу указания статьи 129 Гражданского кодекса РФ, не относятся к объектам гражданских прав. Такие объекты являются

публичной собственностью, содержательной особенностью которой является использование данного имущества в интересах всего общества, или (что на наш взгляд более удачно) – публичным доменом, урегулированным отраслями публичного права.

Следовательно, Участки под захоронение, входящие в публичный домен, в силу указанной сущностной характеристики, не входят в гражданский оборот, что означает невозможность возникновения вещных прав у частных лиц на такие участки. Однако фактически совершаемые в рамках российской юрисдикции действия субъектов правоотношений, возникающих по поводу Участков под захоронение, свидетельствуют о действительной оборотоспособности рассматриваемых земельных участков. Вследствие чего возникают неопределенности в правовом регулировании рассматриваемых отношений, выражающиеся в проблемах разработки понятийного аппарата, подлежащих применению механизмов и прочее.

Начнем с любопытного аспекта, касающегося степени разработанности нормативных дефиниций. Так, специальные нормы, регулирующие рассматриваемые правоотношения, содержатся в Федеральном законе «О погребении и похоронном деле» (далее – «Закон о погребении») [6]. Статьей 4 указанного закона вводится понятие «места погребения», трактуемое следующим образом: земельные участки с сооружаемыми на них кладбищами и/или расположенными на них зданиями и сооружениями, предназначенными для осуществления погребения умерших. Земельным кодексом РФ предусмотрено собственное определение – «земли захоронений». На первый взгляд, создается видимость отождествления законодателем данных понятий, однако такой подход не является верным.

Представляется, что предложенное Земельным кодексом РФ понятие «земли захоронений» более широкое, нежели «места погребения». Обуславливается это тем, что оно включает в себя также мемориальные или историко-культурные объекты, непосредственно не предназначенные для погребения, но связанные с захоронениями и имеющие особую историческую ценность. Такими, например, потенциально могут являться разнообразные памятники, часовни, объекты монументального искусства и т.д. Тем не менее, различные представления законодателя о понятийном аппарате в нормах общего и специального законодательства исключают единообразие подхода к пониманию Участков под захоронение.

Переходя к проблемам вхождения Участков под захоронение в гражданский оборот, обратим внимание на нормы специального законодательства. Так, статьей 18 Закона о погребении предусмотрено, что общественные кладбища, понимаемые в рамках настоящей статьи как Участки под захоронение, находятся в ведении органов местного самоуправления. Возможность передачи такого земельного участка в ведение хозяйствующего субъекта, в том числе наделенного статусом специализированной службы, законодателем не предусмотрена. Обратившись к положениям Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – «Закон о местном самоуправлении»), можно выяснить, что организация ритуальных услуг и работ по содержанию мест захоронения отнесена к вопросам местного значения каждого муниципального образования [5]. Здесь возникает очередное противоречие в понятийном аппарате, поскольку Закон о местном самоуправлении не содержит полномочий властных органов относительно кладбищ как Участков под захоронение в целом, а вводит новую дефиницию – «место захоронения», которую при буквальном толковании можно трактовать как конкретное могило-место, являющееся неотъемлемой частью Участка под захоронение [11, с. 29].

Положения статьи 7 Закона о погребении предусматривают гарантию бесплатного предоставления каждому человеку участка земли для погребения тела (останков) или праха, причем с учетом его волеизъявления. Очевидно, что в данном случае речь идет именно о месте захоронения, являющимся неотъемлемой частью Участка под захоронение. То есть действующий правопорядок, в условиях невозможности возникновения вещных прав на Участок под захоронение у частных лиц, в силу вхождения последнего в публичный домен и непосредственную зону господства суверена, предусматривает возможность предоставления могило-мест физическим лицам. Помимо прочего, в силу возникновения на конкретное могило-мест отдельных вещных прав, это фактически означает отделение места захоронения от самого Участка под захоронение, что являет собой как установление раздельного режима прав на несформированный земельный участок внутри сформированного, так и нарушение абсолютных прав суверена на данное имущество.

Более того, Закон о местном самоуправлении не предусматривает предоставление мест захоронения физическим лицам в качестве

полномочий органов местного самоуправления. Следовательно, правоотношения, возникающие при предоставлении гражданам таких земельных участков, оформляются в зависимости от воли органа местного самоуправления, а значит подпадают под действие общей теории воли. Указанный тезис означает, что публичное законодательство не предусматривает обязанности лица, в ведении которого находятся Участки под захоронение и места захоронения, по предоставлению последних гражданам, а значит данные отношения формально, если игнорировать публичный домен, подпадают под юрисдикцию гражданско-правовых норм, что непосредственно свидетельствует о вхождении в гражданский оборот.

Любопытен также аспект определения статуса правообладателя места захоронения. Законодатель не регламентирует характер прав, возникающих у лица, совершившего волеизъявление в смысле статьи 7 Закона о погребении, а также не устанавливает порядка подтверждения таких прав. К тому же, неясен статус и лица, именуемого в обороте «владельцем места захоронения», которому предоставлены паспорт или свидетельство, удостоверяющие факт регистрации места захоронения.

Представляется, что у лица, совершившего волеизъявление, как-таковых правомочий, связанных с указанных им местом захоронения, не возникает. Обусловлен данный факт тем, что нормативно предусмотрена абсолютная гарантия предоставления земельного участка для погребения тела. Гарантия учета волеизъявления носит относительный характер, поскольку зависит от наличия на указанном месте захоронения свободного участка земли [13]. В отдельных случаях возможность исполнения волеизъявления лица о погребении его тела на указанном им месте определяется в зависимости от наличия свободного участка земли с учетом заслуг данного лица перед обществом и государством, однако происходит это уже после его кончины.

Иной правовой режим, на наш взгляд, возникает при наличии на указанном земельном участке захоронения ранее умершего близкого родственника либо ранее умершего супруга субъекта волеизъявления. В данном контексте такое лицо обоснованно подлежит отождествлению с «владельцем места захоронения», обладающим регистрационными документами на это могило-место. Однако, в таком случае, необходимо определить статус «владельца места захоронения». Так, из совокупного

анализа пунктов 2.1.15 и 2.2.4 ГОСТ 32609-2014 явствует, что «владелец места захоронения» фактически является лицом, ответственным за захоронение, взявшим на себя обязательство по обеспечению надлежащего содержания места захоронения, обладающим удостоверением о захоронении, в котором содержится информация непосредственно о могиле-месте, ответственном лице [9].

Такое удостоверение подтверждает право ответственного лица на дальнейшее использование места захоронения, выражающееся в определении будущих погребальных процессий на данном земельном участке. Более того, на практике часто таким лицом является тот, кто осуществлял организацию похорон и нес необходимые затраты по захоронению.

Таким образом, лицо, ответственное за захоронение, фактически несет бремя содержания места захоронения, а также осуществляет полномочия владения и пользования. При этом, в некоторых субъектах указанные правомочия получили нормативное закрепление в ведомственных актах органов исполнительной власти (например, Постановление Правительства Москвы № 260 ПП от 08.04.2008 г. [7]).

Следовательно, у ответственного лица фактически возникает ограниченное вещное право на место захоронения, являющееся неотъемлемой частью Участка под захоронение. Сущностными признаками ограниченных вещных традиционно являются: обязательное закрепление права в законе в качестве вещного, абсолютный характер данного права, его бессрочность, возможность правообладателя воздействовать на вещь, не прибегая к содействию иных лиц [12, с. 686].

Исходя из этого, следует, что ответственный за захоронение пользуется конструкцией права пожизненного наследуемого владения земельным участком (в смысле статей 216 и 265 Гражданского кодекса РФ). То есть в условиях изъятия из оборота Участков под захоронение, их неотъемлемые части передаются в пожизненное наследуемое владение лицам, ответственным за захоронение, по сути нарушая при этом абсолютный характер прав суверена на публичный домен. В связи с этим, у публично-правового образования возникают правомочия защиты нарушенного владения с помощью властных полномочий, чего, однако, не происходит поскольку существуют описанные выше пробелы в правовом регулировании оборота данных вещей, а также сложившийся обычай, регулирующий статус лица, ответственного за захоронение.

В условиях установленного характера прав, возникающих у ответственного за захоронение, интерес вызывает тот факт, что возможна так называемая покупка земельного участка в целях размещения на нем семейного (родового) захоронения [14].

Разумеется, что в данном случае опять же идет речь о земельном участке, поименованном как место захоронения. На первый взгляд может показаться, что существует возможность приобретения такого земельного участка, являющегося неотъемлемой частью вещи, изъятой из оборота, в собственность посредством простого договора купли-продажи. С другой стороны, возникает видимость использования механизмов непоименованного в Гражданском кодексе РФ либо смешанного договоров, поскольку для оформления данных правоотношений используется разработанная конкретным субъектом, в ведении которого находится Участок под захоронение, типовая форма договора о размещении семейного (родового) захоронения. Однако истина кроется в анализе положений какого-либо из таких договоров, например, договора о предоставлении участка земли для создания семейных (родовых) захоронений, используемого в г. Ставрополь [17].

Так, п. 1.2 указанного договора предусмотрено, что его предметом является оказание услуги по резервированию места семейного (родового) захоронения. С точки зрения теоретического аспекта, рассматриваемый договор также не оформляет возникновение вещных прав, а лишь позволяет установить абсолютный характер гарантии учета волеизъявления лица, относительно выбранного им места захоронения, поскольку делает данный земельный участок априори свободным от иных захоронений.

Тем не менее, рассматриваемым договором не определяется характер прав лица, заключившего его, и возникающих правоотношений с момента согласования воли. Однако положения пунктов 2.2.2.–2.3.1. договора позволяют сделать вывод, что лицо, его заключившее, несет бремя содержания, осуществляет полномочия владельца и пользователя, а также имеет право проводить захоронения в установленном порядке на зарезервированном участке. Следовательно, фактически возникает все то же право пожизненного наследуемого владения, а значит лицо, заключившее такой договор, получает статус ответственного за захоронение.

Отдельное внимание стоит уделить проблеме формирования конкретного земельного участка, как места захоронения, в рамках

Участка под захоронение. Непосредственному формированию в смысле Земельного кодекса РФ и регистрации в ЕГРН подлежит только Участок под захоронение в целом, которому присваивается вид разрешенного использования – «под размещение кладбища». Более того, не подлежат регистрации в ЕГРН и склепы, явно представляющие собой объект недвижимого имущества в смысле статьи 130 Гражданского кодекса РФ. В результате чего возникают споры, предметом которых являются требования по изменению или установлению границ мест захоронения, требования по признанию лица правомочным в отношении конкретного земельного участка и прочее. Так, например, в деле № 33-4081/2017 истец ссылается на неправомерный захват части предоставленного ему места захоронения путем переноса ответчиком ограды и бетонного замощения территории [8]. Обратим внимание, на еще один аргумент в защиту фактического режима ограниченных вещных прав. Судебная практика идет по пути использования субъектами данных правоотношений вещно-правовых способов защиты нарушенного права (в указанном деле применяется негаторный иск), что корреспондирует с вышеизложенным.

Конечно, в ряде субъектов имеются собственные реестры мест захоронения, в которых определяются местоположение Участка под захоронение, площадь и границы самих мест захоронения, их отметка на карте, а также фото-фиксация на местности [16]. Однако должной юридической силы указанные реестры не имеют, поскольку отсутствует единообразие судебной практики относительно разрешения тех же споров, связанных с границами мест захоронения.

Таким образом, видится необходимость серьезного реформирования «похоронного законодательства». Данные идеи высказываются юристами и не только с начала 2000-х годов. Например, в 2002 году газетой «Коммерсантъ» была приведена статистика, что 6-7 % мест захоронения на Пятницком кладбище являются бесхозными [15]. Действующее законодательство не содержит механизма, позволявшего бы привлекать ненадлежащим образом исполняющего свои обязанности правообладателя к ответственности. В связи с этим необходимо всеобъемлющее изменение правового режима.

Во-первых, с целью сохранения гарантий, предусмотренных статьей 7 Закона о погребении, в части предоставления места захоронения с учетом волеизъявления лица, Участки под захоронение рационально сохранить в собственности суверена, однако следует исключить из

Земельного кодекса РФ положения об изъятии таких вещей из оборота. Сущностной особенностью такого режима является только особый правомочный субъект в лице публично-правового образования, в силу чего данные правоотношения подпадают под регулирование Гражданского кодекса РФ. Во-вторых, для снижения числа бесхозных могил-мест, а также для рационального использования площади земельных ресурсов, следует применять механизм аренды мест захоронения с ее вещными и обязательственными проявлениями (сущностную характеристику раскроем ниже). В-третьих, следует регистрировать в ЕГРН арендные обременения отдельных долей Участков под захоронение, являющихся по смыслу местами захоронения, что не только поспособствует оптимизации учета и формирования могил-мест, но и сможет корреспондировать с фактическим характером и перечнем прав ответственного за захоронение, вследствие реализации принципа «*superficies solo cedit*» (все, выстроенное на участке, принадлежит обладателю права на участок), ввиду тесной связи отдельных объектов (например, бетонного замощения, гробниц и прочее) с земельным участком [10, с. 69–70].

Коль скоро было упомянуто о применении арендных механизмов к рассматриваемым правоотношениям, необходимо более подробно описать, что имеется в виду. Предполагается в качестве основы указанного механизма использовать положения принятых в различных субъектах ФРГ законов о похоронах «*Bestattungsgesetz*». Рассмотрим, например, Закон о кладбищах и захоронениях в Свободном ганзейском городе Бремене [1]. Так, параграфом 5 указанного закона предусмотрено, что лицом, в ведении которого находится Участок под захоронение, устанавливается период аренды места захоронения («*Ruhefrist*»), составляющий от 7 до 25 лет в зависимости от категории трупа усопшего. Помимо прочего, в случае неоплаты последующего периода аренды, такими законами чаще всего предусматривается порядок эксгумации с последующим захоронением в ином, коллективном, месте захоронения (например, параграф 22 Саксонского закона о захоронении [2]) либо порядок кремации. Улучшения места захоронения в виде памятников, гробниц и прочего подлежат демонтажу, а само место захоронения – повторному вхождению в оборот в качестве предмета аренды.

Итак, оборот земельных участков, занятых гражданскими захоронениями, – спорное и неоднозначное явление, фактически

урегулированное лишь обычаем из-за недоработок законодателя в аспекте согласования нормативного материала. Выявленные в ходе исследования пробелы в понятийном аппарате, проблемы оборота мест захоронения не только обличают неопределенности подлежащих применению в рассмотренном контексте правовых средств, но и наводят на мысль об изменении правового режима данных земельных участков. Резюмируя выдвинутые тезисы, становится ясно, что концепция аренды мест захоронения, вероятно, являясь негативной с точки зрения религиозных сообществ, позволяет удачно определить характер правомочий лица, ответственного за захоронение, а также решить проблему бесхозности могил-мест. Для этого достаточно лишь установить периодичный титул на владение таким участком и обязательственный характер правоотношений.

Список источников

1. Gesetz über das Friedhofs- und Bestattungswesen in der Freien Hansestadt Bremen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/36eRxk> (дата обращения: 10.08.2023). – Загл. с экрана.
2. Sächsisches Bestattungsgesetz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.revosax.sachsen.de/vorschrift/4526-Saechsisches_Bestattungsgesetz#p22 (дата обращения: 18.10.2023). – Загл. с экрана.
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [федер. закон: от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Российская Федерация. Законы. Земельный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 29.10.2001. – № 44 – Ст. 4147.
5. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: [федер. закон: от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 06.10.2003. – № 40. – Ст. 3822.
6. Российская Федерация. Законы. О погребении и похоронном деле: [федер. закон: от 12 января 1996 года № 8-ФЗ (с изм.)] // Собрание законодательства РФ. – 15.01.1996. – № 3. – Ст. 823.
7. Москва. Правительство. О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве: [постановление Правительства Москвы: от 08 апреля 2008 года № 260-ПП (с изм.)] // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – № 24. – 23.04.2008.
8. Дело № 33-4081/2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/31183378> (дата обращения: 23.11.2023). – Загл. с экрана.

9. ГОСТ 32609-2014. Межгосударственный стандарт. Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения: национальный стандарт Российской Федерации: дата введения 2014-07-01 / Федеральное агентство по техническому регулированию. – Изд. официальное. – Москва: Стандартинформ, 2014.
10. Бевзенко, Р. С. Введение в российское право недвижимости. Вып. 3: Государственная регистрация / А. С. Бевзенко [Электронное издание] / Р. С. Бевзенко. – Москва: М-Логос, 2021. – 210 с.
11. Бевзенко, Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости / А. С. Бевзенко [Электронное издание]. – Москва: М-Логос, 2017. – 80 с.
12. Гражданское право: [учебник: в 3 т.] / отв. ред. В. П. Мозолин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – Т. 2 / [Безбах В. В. и др.]. – 2016. – 963 с.
13. Грачев Р.Ю., Корнеева О.В., Вахрушева Ю.Н. Комментарий к Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». – 2014.
14. Как получить, оформить и купить место на кладбище в Москве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/otvet-semya-i-deti/kak-nayti-i-oformit-mesto-na-kladbische/> (дата обращения: 22.11.2023). – Загл. с экрана.
15. Мервое дело. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/317457> (дата обращения: 18.10.2023). – Загл. с экрана.
16. Реестр участков семейных (родовых) захоронений / поиск, покупка и оформление мест на кладбищах. Портал госуслуг Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/ritual/> (дата обращения: 17.11.2023). – Загл. с экрана.
17. Форма 7. Образец договора о предоставлении участка земли для создания семейных (родовых) захоронений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ставрополь.рф/files/kggh/2020_06_23/форма%207%20приложения.docx (дата обращения: 18.10.2023). – Загл. с экрана.

LEGAL REGULATION OF THE TURNOVER OF LAND PLOTS OCCUPIED BY CIVIL BURIALS: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

The article analyzes the actual rights of individuals to land plots named as burial sites. The authors put forward and substantiate the thesis that individuals have the right of lifelong inherited ownership of the burial site as an integral part of the land occupied by civil burials and included in the domaine public. The conceptual apparatus developed by the legislator in the field under consideration

is analyzed. The proposals for reforming the current legislation with references to the provisions of the regulatory legal acts of the Federal Republic of Germany are presented.

Keywords: land plot, things, burial, public domain, law and order, turnover.

Анисимов Алексей Владимирович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
права Университета имени О.Е.
Кутафина (МГЮА)
РФ, г. Москва
E-mail: AVANISIMOV@msal.ru

Anisimov Alexey
PhD, Associate Professor of the
Department of Civil Law of the
Kutafin Moscow State Law
University (MSAL)
Russia, Moscow
E-mail: AVANISIMOV@msal.ru

Бессонов Андрей Михайлович
студент Института правового
консалтинга Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РФ, г. Москва
E-mail: s0136802@msal.edu.ru

Bessonov Andrey
student of the Institute of Legal
Consulting of the Kutafin Moscow
State Law University (MSAL)
Russia, Moscow
E-mail: s0136802@msal.edu.ru

УДК 342.4

Броварь А. В.
Загородний В. В.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена исследованию проблемы эволюции внешней политики Японии в сфере изменения статьи Конституции и действующего законодательства. В работе проанализированы характерные особенности в сфере внешней политики приводится анализ по реформированию послевоенных вооружённых сил Японии и создания Сил самообороны в период с XX по XXI вв. Анализируются причины и предпосылки изменения внешней политики после 2001 года, а также потенциальные риски для государств граничащих с Японией.

Ключевые слова: Япония, конституционное регулирование внешней политики, Силы самообороны, статья 9 Конституции Японии, доктрина Ёсида.

В данной исследовательской работе автор раскрывает особенности эволюции внешней политики Японии в XX–XXI вв. Приводится ретроспективный анализ внешней политики в сфере национальной безопасности и вооружённых сил Японии, отмечается неразрывная связь различных поколений правительств, которая преследует прагматичную цель – восстановление субъектности во внешней политике и защиту собственных национальных интересов. Особенностью является то, что после Второй мировой войны это было сложно осуществить по целому ряду факторов. Исходя из внешнеполитических действий Японии на международной арене, можно предположить, что японское правительство преследуя данную цель, не ставит во внимание фактор времени и при этом активно развивает нормативную базу.

Вопросы, посвящённые конституционным основам внешней политики японского государства, структуре его отдельных институтов и определению их правовой природы, рассматриваются в основном в

© Броварь А. В., Загородний В. В., 2022

учебной литературе без выделения проблемных вопросов. Отдельные научные исследования системы права внешней политики Японии использованные в процессе исследования, содержатся в работах таких авторов как Э. В. Молодякова, Д. В. Стрельцов, Н. В. Стапран, А. В. Торкунов. Однако исследование по отходу от доктрины Ёсида и переход на доктрину Абэ, до настоящего времени не было проведено.

Цель исследования – определить правовую природу развития внешней политики, её специальные признаки, а также особенности конституционной нормы относящейся к внешней политики государства.

Одной из наиболее влиятельных стран мира является Япония. Данная страна занимает рейтинг одной из пяти крупнейших экономик мира и давно заявляет свои претензии на право называться полноценным актором мировой политики не только в сфере экономики. Зарождение подобной тенденции началось с «открытия» Японии остальному миру и реформации Мэйдзи. Япония наиболее активно развивалась с начала XX века и достигла своего пика 30-х годов, когда Министерство иностранных дел Японии в 1934 году выступило с заявлением о том, что «Япония несёт единоличную ответственность за поддержание мира в Восточной Азии», с последующим развязыванием агрессивной войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР) в период Второй мировой войны. Подобная экспансия прекратилась только разгромом Квантунской армии Советским Союзом и капитуляцией Японии в 1945 году перед США и союзниками. Итогом стало то, что страну обязали расформировать вооружённые силы, сделав её единственной в мире страной, у которой в Конституции закреплён запрет на создание собственной армии.

В девятой статье Основного закона Японии говорится, что «... сухопутные, морские и воздушные силы, а также другой военный потенциал никогда не будут сохранены. Право государства на ведение войны не будет признано». В той же Конституции, в Главе 10 «Верховный закон», устанавливается приоритет Конституции в системе национального права, это означает, что никакие другие законы не могут противоречить ей. В случае противоречия конституционным нормам, законы или иные государственные акты «не имеют законной силы» [1].

Таким образом, государство под внешним давлением «запретило самому себе развязывать» т. н. агрессивные войны. Анализируя внешнеполитические действия Японии, следует отметить, что

развязанная война против Китая в начале XX века не носила статус войны, юридических действий по объявлению войны Япония не проводила. К таким инцидентам относятся – Мукденский, где японская армия аннексировала Маньчжурию; Шанхайский – ввод войск в город; и на мосту Лугоу, за которым последовало полномасштабное внедрение на территорию Китая – в этих случаях использовался *Casus belli*. В первом – взрыв полотна железной дороги (КВДЖ), с последующим вводом войск для защиты собственности и устранения угрозы как имуществу, так и гражданам Японии; во втором – принуждение к принесению извинений за убийство японского буддийского монаха; в третьем – исчезновение японского солдата вблизи пригорода Пекина. Исходя из конституционных полномочий Императора, который имел право во внешнеполитических действиях объявлять и завершать войну, и милитаризованного Кабинета министров, при этом война не объявлялась. Проводились крупномасштабные военные операции с последующей аннексией китайской территории, но без соответствующих юридических процедур. Бои на Халхин-Голе также не сопровождались дипломатическими нотами к советским дипучреждениям. Уже тогда Япония не использовала термин «война», хотя это и было предусмотрено 13 статьёй Основного закона. Появившаяся же в послевоенной Конституции статья 9 является мертворождённой изначально. Положения этой статьи, не получили реализации на практике, нормативно-правовая база не раскрывалась в иных конституционных актах или законах, но при этом принимались акты прямо противоположного толка.

После вступления в силу 03 мая 1947 года Конституции, исходя из диспозиции Главы 2, никаких вооружённых формирований, у страны развязавшей войну в АТР, не должно быть. При этом в начале Корейской войны (1950-1953 гг.) премьер-министр Японии, выступая в поддержку агрессивным действиям США и режима Ли Сын Мана, официально заявил, что Япония предоставит свои военные силы и необходимые ресурсы. Подобные действия подпадают под определение соучастия в агрессии против корейского государства и таким образом противоречат духу конституционной нормы, закрепившей пацифизм во внешней политике.

Начиная с 1952 года в стране появились Национальные силы безопасности, трансформировавшиеся в 1954-м в Силы самообороны, закрепившие свой статус юридическим путём, приняв Закон о силах

самообороны № 165 от 1954 года. Таким образом сформированы военные структуры, которые готовы вести т. н. оборонительную войну. По сути, Япония воспользовалась коллизией в собственной же конституции, ведь запрещает она именно наступательную войну, а не защиту от внешнего врага. Пробелы в законодательстве провоцируют создание юридической фикции в нормах права.

На протяжении последующих лет Япония при поддержке США начала полноценное восстановление вооружённых сил. Основой для развития стал Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности между США и Японией (1960 г.), закрепивший обязательства по взаимной обороне, точнее, зафиксировавший военный союз в АТР [2]. Первым шагом – заявлением о собственных боевых возможностях, стал «Смотр огневой мощи Фудзи» – крупнейшие учения Сил самообороны Японии с боевой стрельбой, ставшие ежегодными, которые открыто для общественности начали проводиться с 1966 года. Японское правительство, соблюдая международные ограничения по ведению активных боевых действий, не принимало участия в создании Договора Коллективной Защиты Юго-Восточной Азии (СЕАТО), но оказывало США в войне дипломатическую, политическую и материальную помощь. Территория островного государства использовалась, как и в предыдущей войне, для переброски войск участников договора. Подобная ограничения обуславливались активной дипломатической деятельностью СССР. Например, 17 февраля 1966 г. Советское правительство направило памятную записку правительству Японии, указав на несовместимость официальных высказываний японских представителей о мирном урегулировании вьетнамской проблемы и фактического участия в американской интервенции.

На протяжении последующих 70-80-х годов XX века японское государство всё ещё декларировало пацифистические лозунги (закреплённые в доктрине Ёсида), но при этом активно наращивало военный потенциал, и только с ослаблением СССР Япония начала активную фазу по «возвращению» к статусу великой державы. Одним из таких шагов стала активная дипломатическая работа по реформированию состава СБ ООН, где Япония позиционировала себя постоянным членом, как и недавно объединившаяся Германия, те самые страны которые развязали самую жестокую войну в истории человечества и поправшие международное право поддерживаемое Уставом Лиги Наций. Аргументами выступали ВВП и экономическое

влияние в мире. Следует указать, что от данной идеи государство не отказалось и по сегодня, в мае 2022 года во время визита в Токио Президент США Дж. Байден поддержал реформу СБ ООН и включение в его состав Японии.

Стапран Н.В. анализируя изменения во внешней политике указывает, что заявление японского премьер-министра, получившее название «Доктрина Фукуда» (1977 г.), окончательно сформировало и закрепило миролюбивый курс Японии [3]. Автор указывает, что провозглашённые приоритеты и идеалы Японией исполняются по сей день. Исходя из того, что вышеуказанная работа была подготовлена в 2010 году нельзя согласиться с автором. Действительно, в 90-х годах прошедшего века премьер-министры (основные субъекты во внешней политике японского государства) Мураяма Т., Хасимото Р., Обути К. и Мори Ё. придерживались на дипломатическом уровне достаточно миролюбивой политики, постепенно наращивая политическое присутствие в международных отношениях и организациях, миротворческой деятельности ООН, но занимали выжидательную позицию по отношению к России, последний из перечисленных даже был награждён орденом Дружбы В. В. Путиным. Однако ситуация изменилась кардинальным образом с приходом к власти в 2001 году лидера одной из старейших политических сил Либерально-демократической партии Японии (далее – ЛДПЯ) Коидзуми Д., который начал новый этап во внешней политике государства – усиление влияния Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Как указано в работе «Япония: некоторые аспекты внешней политики на пороге XXI века» просуществовавшая конституционная система более чем 50 лет заставляла граждан приходить к убеждению о необходимости преобразований в государственном строе. Япония превратилась в экономическую сверхдержаву, она вплотную подошла к новым возможностям и задачам. Ситуация была истолкована ЛДПЯ, как готовность общества к новой ступени развития государства в АТР. Данный исторический контекст объясняет почему в конце 90-х годов Япония приступила к масштабным реформам государственного права [4].

Среди прочих приоритетов во внешней политике Японии встали вопросы о развивающемся Китае (спорные территории), уже не пользующейся протекцией СССР КНДР (ядерная программа) и к России (о «возвращении северных территорий»). При этом, начиная с 2001 года Япония принимала участие в войне в Афганистане, направив туда 160

военнослужащих и оказывала тыловую поддержку странам участникам военной операции «Несокрушимая свобода». В 2003 году японский военный контингент был направлен в Ирак, при этом данные действия были совершены без надлежащего разрешения ООН. Подобные действия также противоречат духу Конституции Японии.

В последующем, отсутствие реакции ООН, как главного гаранта послевоенного мира, и поддержка со стороны военно-политического партнёра привели к первой попытке изменения Основного закона Японии. В ноябре 2005 года было выдвинуто предложение о внесении изменений в Конституцию, согласно которым предполагалось придание Силам самообороны статус военной организации. На следующий год правительство одобрило законопроект о придании оборонной службе статуса министерства. С 2006 года поднимается всё чаще вопрос об отказе от ст. 9 Конституции. Таким образом, фактически фиктивная статья конституции изменила бы сущность Японии в формально-юридическом смысле.

С 2009 года японские военнослужащие самостоятельно участвуют в операции по противодействию пиратам у побережья Африканского Рога. Как указывает ТАСС, японское государство построило опорный пункт в Джибути площадью в 12 га и направило эсминец Морских Сил самообороны Японии и два патрульных самолёта [5].

Одной из позиций японского внешнеполитического ведомства, является пункт 51 Главы VII Устава ООН о праве «на индивидуальную или коллективную самооборону» [6]. О коллективной самообороне и возможности вести активную военную деятельность писал Стрельцов Д. В. в работе «Япония: новая политика национальной безопасности», где указывает на очередную манипуляцию – признание права на коллективную самооборону призвано решить проблему применения оружия и участия в боевых операциях не только в случае прямого нападения или при непосредственной угрозе, при этом не меняя Основной закон. Также он подчёркивает, что «... введение в активный оборот права на коллективную самооборону фактически подразумевает отказ Японии от исключительно оборонительного характера её военной доктрины» [7].

Подобные действия не находят отклика у СБ ООН, но находят активную поддержку со стороны США, вплоть до сегодняшнего дня, что подтверждает Совместное заявление США и Японии от 13 января 2023 г., а с недавних пор и со стороны Республики Корея [8; 9].

Дело Коидзуми, по реформированию японского законодательства, продолжил ещё один лидер ЛДПЯ, сторонник новой Японии Абэ С. При его поддержке в июне 2013 г. был создан Совет национальной безопасности Японии, а в последующем был увеличен в 2014 году военный бюджет страны на 2,2 %, а также увеличен кадровый состав армии. Последующая работа, по влиянию Японии и усилению её военного потенциала, против государств, с которыми у страны Восходящего солнца есть открытые вопросы, привела к созданию Quad (четырёхсторонний диалог по вопросам безопасности с участием США, Австралии, Японии и Индии). Особый интерес вызывает то, что в составе участников иного оборонного альянса – AUKUS в составе участников есть Австралия, таким образом формируется пояс из государств, которые в своих геополитических противниках видят и Российскую Федерацию, тем самым угрожая её территориальной целостности.

Мотивируя началом СВО на территории Украины в 2022 году японское правительство инициирует принятие нового пакета «оборонных» документов. Как пишет The Japan times – в декабре 2022 года Япония заложила основу для политики в области обороны и безопасности страны на долгие годы, сигнализируя о том, что Токио сейчас более чем когда-либо готово избавиться от некоторых послевоенных ограничений на свои вооружённые силы. Правительство премьер-министра Кисиды Ф. после месяцев дебатов внесло изменения в три ключевых документа по безопасности, изложив новую жёсткую позицию в регионе, где Китай продолжает наращивать свои военные силы вблизи Тайваня, ядерные и ракетные угрозы Северной Кореи остаются непрекращающимися, а «кровавое вторжение» России в Украину вызвало опасения, что другие страны в Азии могут пострадать [10]. При этом «миролюбивая» Япония направляет на Украину малоразмерные БПЛА, которые можно применять в военных целях [11].

Таким образом, мы можем проследить что внешнеполитическая доктрина Ёсиды сменились милитаристскими доктринами Абэ и Кисиды, где катализаторами стали усиление КНР в АТР и военно-политическая активность России с 2014 года. Отдельно следует подчеркнуть влияние конституционных изменений в России в 2020 году. Статья Конституции РФ 67.1 «Территория Российской Федерации» фактически поставила точку в территориальном вопросе Курильских островов, на которые претендовала Япония.

Мировой кризис ускорил процесс милитаризации Японии, однако первые шаги в этом направлении были сделаны ещё при Абэ С., считает старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО О. Парамонов. Так же он подчеркнул, что правительство Японии 16 декабря 2022 года объявило о крупнейшем наращивании военной мощи со времён Второй мировой войны. Масштабный пятилетний план предусматривает вложения в Силы самообороны Японии в размере 320 млрд. долларов США. Реализация программы сделает японский военный бюджет третьим в мире после США и КНР [12].

Не начало Специальной военной операции Российской Федерации в отношении Украины повлекло милитаризацию Японии, явившись предлогом, а по факту это длительная стратегия, которую поддерживала и развивала ЛДПЯ на протяжении нескольких десятилетий.

Результаты анализа Конституции и законодательной базы Японии, действий правительства Японии в области национальной безопасности и военного строительства позволяют утверждать, что действующие в настоящее время нормы обеспечивают функционирование и постоянное наращивание Сил самообороны Японии. Основными направлениями внешней политики и военного законодательства, необходимого для гарантированного обеспечения национальной безопасности в условиях неблагоприятного развития военно-политической обстановки в регионе, «вынуждают» действовать правительство Японии искать способы в национальном и международном праве в обход статьи 9 Конституции. Изложенный выше анализ указывает на намерения Японии превратиться в будущем в великую державу с собственными национальными интересами не только в АТР, которые могут быть подкреплены военным контингентом, в частности могут влиять на соседние государства и претендовать на спорные территории КНР и РФ. Вступление Японии в военные союзы, поставка оружия и боеприпасов создаёт напряжённость в АТР регионе и может повлечь негативные изменения во внешней политике Японии. Данное развитие Японии необходимо учитывать при формировании концепции внешней политики РФ в изменяющейся международной обстановке.

Список источников

1. Конституция Японии. – Текст: электронный // Официальный сайт Кабинета Министров Японии сайт кабинета министров Японии

- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения: 14.03.2023) – Загл. с экрана.
2. Treaty of mutual cooperation and security between Japan and the United states of America. – Текст: электронный // Официальный сайт Министерства иностранных дел Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html>. (дата обращения: 14.03.2023) – Загл. с экрана.
3. Япония: полвека правления либерал-демократов / рук. проекта Э. В. Молодякова. – Москва: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.
4. Япония: некоторые аспекты внешней политики на пороге XXI века: [Монография] / [Н. В. Анисимцев, Г. В. Белокурова, О. Н. Железняк и др.; отв. ред. В. Н. Павлетенко]; Центр исследований Японии, Ин-т Дал. Востока РАН [и др.]. – Москва: МАКС Пресс, 2003 (ПИК ВИНТИ). – 216 с.
5. В противовес Китаю? Япония обдумывает открытие первой постоянной военной базы за рубежом / Официальный сайт ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5674777> (дата обращения: 14.03.2023). – Загл. с экрана.
6. Устав Организации объединённых наций. – Текст: электронный // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 11.03.2023). – Загл. с экрана.
7. Стрельцов, Д. В. Япония: новая политика национальной безопасности / Д. В. Стрельцов // Ассоциация японоведов. Электронный журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=418&Itemid=66 – (дата обращения: 13.01.2023). – Загл. с экрана.
8. Совместное заявление Соединённых Штатов и Японии 13 января 2023 г. – Текст: электронный // Официальный сайт Кабинета Министров Японии сайт кабинета министров Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://japan.kantei.go.jp/101_kishida/documents/2023/_00001.html (дата обращения: 14.01.2023). – Загл. с экрана.
9. Юн говорит, что шаги Японии по укреплению обороны трудно остановить // Официальный сайт газеты Ёнхап [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230111005651315> (дата обращения: 14.01.2023). – Загл. с экрана.
10. Япония одобряет капитальный ремонт обороны в условиях резкого изменения политики // Официальный сайт The Japan times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.japantimes.co.jp/news/2022/12/16/national/japan-dramatic-defense-shift/vgl0oABsq70eVDi_YykdxQaqw0sAmSYs.S8Ad.w (дата обращения: 14.01.2023). – Загл. с экрана.
-

11. События в авиации за 4–6 августа. – Текст: электронный // Официальный сайт Федерального агентства новостей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riafan.ru/23577636-sobitiya_v_aviatsii_za_4_6_avgusta_makedoniya_otpravil_kievu_su_25_azimuth_uvelichil_passazhirooborot (дата обращения: 14.01.2023). – Загл. с экрана.

12. Востоковед Парамонов рассказал, зачем Япония резко увеличивает военный бюджет // Официальный сайт Федерального агентства новостей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riafan.ru/23811461-vostokoved_paramonov_rasskazal_zachem_yaponiya_rezko_uvelichivaet_voennii_byudzheth (дата обращения: 14.01.2023). – Загл. с экрана.

THE EVOLUTION OF LAW IN JAPANESE FOREIGN POLICY: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article is devoted to the study of the problem of the evolution of Japan's foreign policy in the field of changing the articles of the Constitution and current legislation. The paper analyzes the characteristic features in the field of foreign policy, provides an analysis of the reform of the post-war armed forces of Japan and the creation of Self-Defense Forces in the period from XX to XXI centuries. The reasons and prerequisites for the change in foreign policy after 2001, as well as potential risks for the states bordering Japan, are analyzed.

Keywords: Japan, constitutional regulation of foreign policy, Self-Defense Forces, Article 9 of the Constitution of Japan, Yoshida doctrine.

Броварь Александр Витальевич
доктор исторических наук,
доцент ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: brovar.a.v@gmail.com

Brovar Alexander
Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: brovar.a.v@gmail.com

Загородний Валерий Валерьевич
аспирант ГОУ ВПО
«Донбасская юридическая
академия»
ДНР, г. Донецк
E-mail: valeryzagorodniy@gmail.com

Zagorodniy Valery
postgraduate student of Donbass
Law Academy
DPR, Donetsk
E-mail: valeryzagorodniy@gmail.com

УДК 340

Герасименко Ю. В.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ КАК ЦЕННОСТНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена исследованию общетеоретического понятия «добросовестность» как структурного элемента правовой культуры общества. Акцентируется внимание на ценностном аспекте содержания правовой культуры. Рассмотрена роль правовых ценностей в формировании правовой культуры общества.

Ключевые слова: правовая культура, добросовестность, структура правовой культуры, правовые ценности, правосознание.

Укрепление законности и правопорядка в государстве невозможно без формирования общества, состоящего из граждан, обладающих высоким уровнем правового сознания и правовой культуры. Теоретическое осмысление и практическое обеспечение процесса изменения нашего государства делает актуальным вопрос о формировании правовой культуры.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью проведения исследования категории «добросовестность» для определения её содержания и роли в формировании правовой культуры общества. Правовая культура в Российской Федерации имеет множество недостатков, что затрудняет формирование демократического правового государства. Конечно, идея правового государства может быть реализована не абстрактно, а только в соответствующем национальном и историческом контексте и в условиях высокого уровня общественной правовой культуры. Необходимое условие для становления правового государства – это не только доверие как к самому праву, но и доверие к тем, кто отвечает за право: кто участвует в его создании, кто использует его для разрешения конкретных конфликтов, и к тем, кто обеспечивает его соблюдение.

© Герасименко Ю. В., 2022

Традиционно в юриспруденции внимание научной мысли обращено к правовой культуре как к элементу правовой системы общества. В то же время, очень часто из исследовательского поля зрения выпадает такой значимый аспект как аксиологическое содержание правовой культуры, которое включает в себя добросовестность, справедливость, доверие, законопослушность и т.д.

При проведении исследования была использована литература как по общей теории государства и права, так и по римскому праву. В работе нашли своё отражение и оценку труды С. В. Бирюкова, Н. В. Вопленка, Э. С. Насурдинова. Различные аспекты правовой культуры и способы формирования позитивного отношения к праву обоснованы в исследованиях И. А. Ильина, А. С. Хомякова, С. С. Алексеева, В. М. Горшнева, В. С. Нерсисянца, Д. А. Керимова, М. Н. Марченко, В. В. Лазарева, П. П. Баранова, В. И. Гоймана, Н. И. Матузова, В. И. Букреева, Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова, И. Ф. Покровского, И. Ф. Рябко, А. П. Семитко.

Термин «культура» имеет несколько значений. Как указывает С.В. Бирюков, во-первых, культура воспринимается как всё то, что создано людьми и имеет для них положительное значение, ценность. Культура – это «мир человека», совокупность созданных и (или) осознанных людьми ценностей, в том числе способов деятельности, моделей сознания, конкретных предметов (артефактов) и общественных явлений.

Во-вторых, культура означает уровень развития всего общества, степень осознания человечеством нравственных и материальных ценностей.

В-третьих, культура означает область деятельности, направленную на сохранение и развитие духовных ценностей [1].

Чтобы поместить право в систему общественных ценностей, можно использовать следующее определение: право – это отражение существующих философских взглядов, моральных принципов и культурных традиций общества. Формирование и действие права дает импульс обратному процессу, а именно влиянию самого права на взгляды, устои и традиции общества.

Все эти взаимосвязанные процессы и формируют правовую культуру. Взаимодействие между правом и культурой – это динамичный процесс. Правовая культура находится между позитивным правом и культурой, с размытыми границами в этих сферах. Согласно широко распространенному пониманию, правовая культура представляет собой

тот культурный фон права, который создает позитивное право и который необходим для придания закону смысла. Это включает в себя роль права в обществе, роль различных правовых источников, фактическую власть различных субъектов и институтов и т.д.

Не менее проблематичной является взаимосвязь между правовой культурой и общей культурой. Правовая культура часто рассматривается как та часть культуры, которая связана с правом. Однако право актуально практически во всех сферах жизни, поэтому трудно провести четкое разграничение между правовой культурой и общей культурой. Исходя из этих значений право – это элемент культуры [2].

Правовая культура, по определению Н. В. Вопленко – это совокупность правовых ценностей, выработанных человечеством, отражающих прогрессивно-правовое развитие общественности [3, с. 41].

Насурдинов Э. С. определяет правовую культуру как систему духовных и материальных юридических ценностей [4, с. 70].

Исследуя структуру правовой культуры, как правило, в юридической литературе принято выделять следующие элементы:

- право, как главный, цементирующий элемент структуры правовой культуры;

- юридическая деятельность – опосредованная правом деятельность компетентных органов, которая нацелена на выполнение общественных задач и функций (создание законов, осуществление правосудия, конкретизация права и т. п.) и удовлетворение тем самым как групповых и индивидуальных потребностей и интересов;

- правосознание – часть (вид) общественного сознания, содержанием которого являются система правовых идей знаний, представлений, традиций, ценностных ориентиров.

Некоторые авторы выделяют и другие структурные элементы. Так, говоря о структуре правовой культуры, Драч Г. В. отмечает, что неотъемлемыми компонентами правовой культуры являются нормы, которые представляют собой «определенные образцы, правила поведения, действия, познания» и выступающие в разных формах: культурные нормы, воплощение в идеологии, этических учениях, религиозных концепциях, нормы морали, семейные нормы и др.[5, с. 54-55])

Поддерживая мнение Э.С. Насурдинова, отметим, что структуру правовой культуры также составляет и система ценностей, которые отвечают уровню достигнутого обществом правового прогресса и отражают в правовой форме состояние свободы личности, степень

удовлетворения интересов граждан, рациональность, справедливость и другие фундаментальные ценностные компоненты правовой действительности.

Определяя классификацию правовых ценностей, О. В. Мартишин делит их на две основные группы. Первая – универсальные ценности. К ним ученый относит справедливость, свободу, равенство, общее благо, классовый интерес, национальный интерес, личный интерес и т. д. Ко второй группе относятся производные правовые ценности – законность, права человека, презумпция невиновности и т.д. [6, с. 9].

Считаем, что в универсальную группу правовых ценностей, которые входят в структуру правовой культуры, можно отнести также и понятие «добросовестность».

Уровень правовой культуры зависит не только от того насколько субъекты правоотношений усвоили и приняли правовые ценности, но и от качества самого позитивного права, от того насколько правовые нормы содержат и отражают « доброе и справедливое».

Понятие добросовестности соединяет в себе два ценностных аспекта права: общее благо и справедливость. Вот почему в Древнем Риме большое значение придавали такой правовой категории как добрая совесть – *bona fides*.

Римское право учит, что добросовестность – это этический принцип, который покоится на совести. Для римлян добрая совесть – это качество личности, которое делает его нормальным участником общества. Быть добросовестным – значит действовать в соответствии с нормативными предписаниями, показывая свои лучшие качества [7].

Известный правовед М. М. Агарков определяет добросовестность как «честность в отношениях между людьми» [8, с. 376].

Добросовестность является связующим звеном нравственности и права, придавая правовым нормам и действиям субъектов правоотношений оценочную характеристику. Как отмечает М. Ф. Лукьянова, содержание оценочного понятия характеризуется изменчивостью и непостоянством, может меняться в зависимости от ситуации [9, с. 38].

Понятие добросовестности не устанавливается правовыми нормами, а определяется участниками правоотношений на основании своего правосознания и правовой культуры. Как справедливо отмечал К. И. Скловский «Добрая совесть ... не может быть исчерпывающим образом определена даже доктринально, а тем более легально» [10].

По мнению Зелера добросовестность – это общая юридическая обязанность, а не обязанность, основанная на нормах морали. Автор рассматривает добросовестность в двух аспектах: добросовестность как выражение правовой культуры, т.е. субъективное явление, которое выражается через правосознание и добросовестность как принцип толкования правовых норм и правовых ситуаций (правоприменительный контекст). По мнению ученого, только в совокупности этих значений добросовестность может быть реализована в практической деятельности [11].

Английский правовед Р. Гуд полагает, что добросовестность – это «неопределенное понятие справедливости, которое делает судебные решения предсказуемыми» [12].

Добросовестность – это принцип, доминирующий в немецкой судебной практике. Добросовестность определяется немецкой правовой доктриной как «открытая» категория, поскольку не может быть четкого определения добросовестности и она должна быть установлена на основании конкретной правовой ситуации. В соответствии с общими положениями, добросовестность означает внешние и внутренние отношение к другому человеку, основанное на надежности искренности и внимательности [13].

По мнению Е. В. Богданова, добросовестность субъектов правоотношений оценивается на основе сложившихся в обществе нравственных устоев, а последние, в свою очередь, определяются посредством сложившихся в обществе представлений о добре и зле. Следовательно, оценочная категория «добросовестность» может быть понята и объяснена только посредством другой оценочной категории – «нравственность», а эта категория – через оценочные категории добра и зла. Обилие используемых оценочных категорий является, видимо, основной причиной того, что во всем мире, несмотря на длительную историю исследований, не могут достаточно удовлетворительно определиться с понятием и содержанием добросовестности [13, с. 148].

Понятие добросовестности – важнейший фактор, призывающий к учету некоторых этических принципов для достижения адекватного результата при реализации и применении права. Эффективность реализации права во многом определяется наличием тех ценностей, которые составляют духовный аспект правовой культуры общества.

Таким образом, правовая культура опирается на морально-этический фундамент, состоящий из уважения к праву, разумности,

справедливости и добросовестности каждого участника правоотношений. Правовая аксиология, является существенным элементом правовой культуры. Именно правовое чувство, общие представления о добре и зле, о принципах права, позволяют личности верно ориентироваться в сфере правовых отношений. Уровень правовой культуры общества неразрывно связан не только с правовыми нормами, но и с универсальными правовыми ценностями, среди которых важное место занимает добросовестность.

Список источников

1. Бирюков, С. В. Правовая культура: учебное пособие для вузов / С. В. Бирюков. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 126 с.
2. Ralf Christian Michaels Legal Culture [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/294445084> (дата обращения 10.02.2023). – Загл. с экрана.
3. Вопленко, Н. В. Правосознание и правовая культура: учеб. пособие / Н. Н. Вопленко; М-во образования Рос. Федерации. Волгоград. гос. ун-т. Каф. теории государства и права. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000. – 50 с.
4. Насурдинов, Э. С. Правовая культура: монография / Э. С. Насурдинов; отв. ред. Ф. Т. Тахиров. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 352 с.
5. Культурология: учебное пособие по дисциплине «Культурология» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным специальностям и направлениям подготовки / [Г. В. Драч и др.]; под ред. Г. В. Драча. – Москва: Альфа-М: Инфра-М, 2008. – 412 с.
6. Мартышин, О. В. Теория государства и права в постсоветское десятилетие: некоторые итоги / О. В. Мартышин // Право и политика. – 2000. – № 7. – С. 6–15.
7. Дождев, Д. В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву. В 2 томах. Т. 1. Право, справедливость, юридическая наука. Добросовестность. Вещные права и владение / Д. В. Дождев. – Москва: Статут, 2021. – 466 с.
8. Агарков, М. М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. / М. М. Агарков. – Т. 2. – Москва: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 451 с.
9. Лукьяненко, М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / Лукьяненко М.Ф. – Москва: Статут, 2010. – 423 с.
10. Скловский, К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К. И. Скловский // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 79–94.

11. Bruno Zeller Good Faith – The Scarlet Pimpernel of the CISG [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vuir.vu.edu.au/83/3/Zeller2.pdf> (дата обращения 09.02.2023). – Загл. с экрана.
12. Goode R. The Concept of «Good Faith» in English Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnr.it/CRDCS/goode.htm> (дата обращения 09.02.2023). – Загл. с экрана.
13. Leistung nach Treu und Glauben – Definition & Bedeutung des § 242 BGB Lex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.juraforum.de/lexikon/treu-und-glauben242> (дата обращения 09.02.2023). – Загл. с экрана.
14. Богданов, Е. В. Развитие гражданского права России. Тенденции, перспективы, проблемы: монография / Е. В. Богданов, Д. Е. Богданов, Е. Е. Богданова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 335 с.

THE GOOD FAITH AS A VALUABLE ELEMENT OF LEGAL CULTURE

The article is devoted to the study of the general theoretical concept of «conscientiousness» as a structural element of the legal culture of society. Attention is focused on the value aspect of the content of legal culture. The role of legal values in the formation of the legal culture of society is considered.

Keywords: legal culture, integrity, structure of legal culture, legal values, legal awareness.

Герасименко Юлия Вячеславовна
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и
права ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yu.gerasimenko@donnu.ru

Gerasimenko Yulia
Senior Lecturer Senior Lecturer at
the Department of Theory and
History of State and Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: yu.gerasimenko@donnu.ru

УДК 342.53

Кулакова Е. В.

О СУЩНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

В статье анализируются существующие научные подходы к правовой природе и сущности парламентаризма, выделяются основные подходы к его трактовке, обозначается специфика парламентаризма в современной России.

Ключевые слова: парламентаризм, законодательный орган, сущность, принцип народовластия; принцип разделения властей

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации через представительный и законодательный орган государственной власти – парламент – народ осуществляет свою суверенную власть, единственным источником которой он сам и является. Парламент является воплощением демократических основ государства, выступает основным гарантом демократического характера принятия государственно-важных решений.

Законодательные органы определяют содержание законодательства и характер всей правовой системы государства, активно влияют на практику его применения.

Необходимо обозначить, что в Конституции РФ термин «парламентаризм» не употребляется, тем не менее в юридической литературе в последнее время уделяется все большее внимание раскрытию сущности парламентаризма, который является особенной системой государственного управления обществом, характеризующейся распределением функций между законодательной и исполнительной властью при определяющей политической и идеологической роли именно парламента.

Среди ученых, которые занимались изучением парламентаризма, в частности сущности, особенностей, практики осуществления, необходимо выделить следующих: Баглая М. В., Богданова М. А.,

Гранкина И. В., Котляревского С. А., Миронова О. О., Романова Р. М., Рыбкина И. П., Таваходи А. Д., Хабриеву Т. Я., Шабанова Х. М. и др.

Особое внимание исследователей к природе парламентаризма представляется вполне закономерным, поскольку без уяснения самой сущности исследуемой системы государственного управления, невозможно охарактеризовать высший законодательный орган, особенности его структуры и деятельности, а также наметить возможные перспективы совершенствования его деятельности.

В научной среде относительно сущности парламентаризма сложились несколько, в некоторых аспектах даже противоположных, научных позиций. Поэтому изучение и анализ современных научных подходов к парламентаризму позволят сформулировать основные тенденции развития этого института конституционного права, а также конкретизировать его сущность.

Таким образом, целью данного исследования является изучение и анализ основные научных позиций к определению сущности современного парламентаризма.

Одна из существующих научных позиций сводится к утверждению, что парламентаризмом называют государственное устройство, основанное на верховенстве парламента в системе органов государственной власти. Сторонники такого подхода считают, что верховенство права находит свое проявление в возможности принимать акты высшей юридической силы – законы – по любым вопросам, а также в закреплении за парламентом законодательного полномочия по формированию правительства и контролю за его деятельностью [1, с. 490; 2]. Такое широкое закрепление полномочий за парламентом государства относительно возможности принятия законов по любому вопросу характерно для парламентов с неограниченной компетенцией и существует в государствах с парламентской формой правления, в которых в «чистом» виде реализуется принцип парламентаризма, предусматривающий верховенство парламента во всей системе органов государственной власти.

Однако, необходимо отметить, что парламентаризм проявляется не только в случае верховенства парламента. Представляется, что парламентаризм является целой системой организации и функционирования органов государственной власти на основе конституционного принципа разделения властей, который гарантирует их независимость и самостоятельность. Следовательно, главным

критерием парламентаризма является не принцип верховенства парламента, а формирование и деятельность этого органа на основе конституционного принципа разделения властей. При таком подходе к парламентаризму необходимость определения роли парламента в системе органов государственной власти уже не представляется необходимой.

При этом, некоторые ученые, все-таки в качестве основного аспекта сущности парламентаризма, считают именно место парламента в механизме государства [3].

Парламентаризм является особой системой организации государственной власти, которая основана на принципах разделения власти, верховенства закона при условии руководящей роли парламента с целью утверждения социальной справедливости и правопорядка [4; 5; 6].

Указанный подход к сущности парламентаризма составляет вторую научную позицию. Сомнительность приведенных определений парламентаризма, как представляется, проявляется в том, что ее сторонники не акцентируют внимание на объективные критерии определения роли парламента. Кроме того, вряд ли можно объективно установить, когда роль парламента является «существенной», а когда «исключительной» [7] или «привилегированной». При этом делать этого не придется, если определить, что главной отличительной особенностью парламентаризма является организация государственной власти на основе принципа разделения властей. На этот критерий обращают внимание ряд ученых, которые отмечают, что с определенной вероятностью можно определить национальный парламентаризм как разновидность и форму государственного управления обществом, основанного на принципе разделения властей, учета специфики соотношения законодательной и исполнительной ветвей власти и при условии их взаимодействия, взаимозависимости, признания ответственности правительства перед парламентом и не только перед ним.

Третью группу научных взглядов к сущности современного парламентаризма составляют позиции исследователей, которые считают, что парламентаризм существует там, где существует парламент, независимо от его реальной роли в государственной жизни [8]. В таком понимании парламентаризм определяется как одна из особенностей организации государственной и общественно-политической жизни,

которая характеризуется существованием постоянно действующего парламента, избираемого народом, определяющим влиянием парламента на политическую жизнь общества и государства, а также специфическими формами работы и отношениями парламентариев с избирателями. Таким образом, исходя из третьей группы научных взглядов к исследуемому вопросу, можно сформулировать основную особенность, присущую парламентаризму, а именно: наличие демократически избранного постоянно действующего коллегиального представительского органа, который осуществляет законодательные, учредительные и контрольные функции и является доминирующим органом в системе «сдержек и противовесов», которая, в свою очередь, является неотъемлемой частью механизма разделения властей.

В свое время существенный вклад в создание теории парламентаризма внес известный русский юрист и политический деятель начала XX в. С. А. Котляревский. Теоретическую основу его учения составили работы Руссо, Монтескье, Штейна, Ориу, Дюги, Еллинека и др., а для выявления характерных особенностей парламентского строя, он изучил зарубежный опыт и законодательство. Так, Котляревский С. А. отмечал, что «парламентаризм есть режим обязательной политической солидарности между правительством и органом или органами, которые признаются авторитетными выразителями народного мнения» [9].

По мнению Миронова О. О. парламентаризм представляет собой сложный и многогранный феномен, своеобразную шкалу социальных ценностей, «где господствует закон, утвердились принципы верховенства права и разделения властей, где гражданское общество характеризуется демократизмом и высокой политико-правовой культурой» [10, с. 100].

Рыбкин И. П. рассматривает парламентаризм как «политическую систему, где суверенная воля народа находит свое воплощение в высшем представительном учреждении, которое осуществляет законодательную деятельность и контроль за органами исполнительной власти и гарантирует защиту интересов как большинства, так и меньшинства граждан» [11, с. 4].

Также представляется целесообразным обозначить научную позицию, согласно которой парламентаризм рассматривается как учение о парламенте. Такой позиции придерживаются, в частности, Романов Р. М. [2] и Булаков О. Н. [12]. Так, Романов Р. М. отмечает, что парламентаризм – это теория и практика деятельности парламента, а

Булаков О. Н. характеризует парламентаризм как идейно-теоретическую концепцию, которая служит научным обоснованием необходимости парламента как института.

Таким образом, проведенный анализ научных подходов к сущности парламентаризма, позволяет констатировать, что большинство современных научных позиций сводятся к тому, что парламентаризм как государственно-правовое явление характеризуется следующими особенностями:

- наличие парламента, который сформирован на основе принципа народовластия;
- организация функционирования органов государственной власти на основе принципа разделения властей, который гарантирует их самостоятельность и независимость при реализации предоставленных им полномочий.

Необходимо отметить, что указанные характеристики свойственны и российскому парламентаризму, что проявляется в порядке формирования Государственной Думы на выборной основе и в конституционном равенстве органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти и их независимости друг от друга.

Содержание парламентаризма в значительной мере определяется не только и не столько нормативным закреплением места парламента в системе органов государственной власти, сколько уровнем гражданской сознательности и степенью развития правовой культуры. Представляется, что именно уровень политического и правового сознания является критерием развитости парламентаризма.

Принято считать, что в развитом виде парламентаризм осуществляется только в государствах с парламентарными формами правления, но, в частности Хабриева Т. Я., отмечает, что наличие элементов парламентаризма возможно и при иных формах правления [13, с. 17]. Определенные черты парламентаризма свойственны и Российской Федерации.

Особенности российского парламентаризма прежде всего обусловлены со статусом и положением Президента, закрепленными Конституцией, а также порядком формирования и деятельностью Федерального Собрания Российской Федерации. Таким образом, «парламентаризм или, по крайней мере, его элементы являются общественной необходимостью, без них немыслима система управления в условиях демократии» [13, с. 21].

Список источников

1. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М. В. Баглай. – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 768 с.
2. Романов, Р. М. Российский парламентаризм: генезис и организационное оформление / Р. М. Романов // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 5. – С. 123–133.
3. Гранкин, И. В. Парламент России / И. В. Гранкин. – Москва: Консалтбанкир, 1999. – 301 с.
4. Парламентское право России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / Автономов А. С., Витушкин В. А., Волкова Н. С. и др.; под ред. Хабриевой Т. Я. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юристъ, 2003. – 653 с.
5. Мишин, А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов / А. А. Мишин. – 17-е изд., испр. и доп. – Москва: Статут, 2013. – 520 с.
6. Большой юридический словарь / [Авт.-сост. Додонов В. Н. и др.]. – Москва: Изд. дом «ИНФРА-М», 20001. – 789 с.
7. Гранкин, И. В. Сущность российского парламентаризма / И. В. Гранкин / Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 4. – С. 27–30.
7. Авакьян, С. А. Конституционный лексикон. Государственно-правовой терминологический словарь / С. А. Авакьян. – Москва: Юстицинформ, 2015. – 656 с.
8. Котляревский, С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов: научное издание / С. А. Котляревский; под ред. В. А. Томсинова. – Москва: Издательство «Зерцало-М», 2014. – 392 с.
9. Миронов, О. О. Истоки российского парламентаризма / О. О. Миронов / Представительная власть. – 1996. – № 4–5. – С. 95–100.
10. Рыбкин, И. П. Становление и развитие парламентаризма в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. П. Рыбкин; Ин-т гос. и права РАН. – Москва, 1995. – 71 с.
11. Булаков, О. Н. Двухпалатный парламент Российской Федерации = Bicameral parliament of the Russian federation / О. Н. Булаков. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). – 751 с.
12. Парламентское право России: монография / А. И. Абрамова, В. А. Витушкин, Н. А. Власенко и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 400 с.

ON THE ESSENCE OF MODERN PARLIAMENTARISM

The article analyzes the existing scientific approaches to the legal nature and essence of parliamentarism, highlights the main approaches to its interpretation, identifies the specifics of parliamentarism in modern Russia.

Keywords: parliamentarism, legislative body, essence, principle of democracy; principle of separation of powers

Кулакова Елизавета Валерьевна

кандидат юридических наук,

доцент кафедры

конституционного и

международного права

ГОУ ВПО «Донецкий

национальный университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: kulakova@donnu.ru

Kulakova Elizaveta

Candidate of Law, Associate

Professor of the Department of

Constitutional and International

Law of Donetsk National

University

DPR, Donetsk

E-mail: kulakova@donnu.ru

УДК 340.12:004.056

Манивлец Э. Е.

Свиридова К. Е.

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ДИСКУРСА

В статье представлен анализ отдельных проблемных аспектов информационной безопасности, связанных с происходящими глобализационными изменениями в современном социуме. Раскрыты особенности категорий «информация» и «безопасность», как ключевых компонентов информационной безопасности. В работе также определены правовые меры по повышению уровня защиты информации от несанкционированного доступа и утечки информации.

Ключевые слова: информационная безопасность, национальная безопасность, информатизация и автоматизация общества, глобализационные процессы, утечка информации.

Современное общество претерпевает значительные изменения, связанные с модернизацией и социокультурной перестройкой в структуре и областях его деятельности. Возрастание роли и интенсивное использование современных информационных технологий в настоящее время способствует качественным изменениям почти в каждой сфере общественной жизни индивида. Исходя из этого, особую актуальность вызывают исследования в области разработки концептуальных подходов к построению принципиальной новой системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности, как главного средства противостояния угрозам, вызванных современными глобализационными изменениями. Общественная безопасность базируется на гармоничном соотношении правильной организации и рационализации деятельности всех государственных структур и объективного представления людей о происходящих процессах в обществе. Главную роль в формировании сильного и жизнеспособного

© Манивлец Э. Е., Свиридова К. Е., 2022

государства при этом, как справедливо подчёркивают С. К. Амандыкова, Д. К. Рустембекова, играет «... наличие общенациональной идеи, поддерживаемой всем народом, основанной на единстве и межнациональном согласии» [1, с. 686].

Значительный вклад в решении вопросов, связанных с обеспечением информационной безопасности, определением особенностей её понятийно-категориального аппарата, принятием новых научных идей относительно сущностной природы основных категорий данного явления внесли такие ученые как: С. С. Алексеев, Л. И. Антонова, В. К. Бабаев, И. Л. Бачило, А. Б. Венгеров, Л. Н. Гумилев, В. Д. Зорькин, И. А. Ильин, Т. В. Кашанина, А. В. Кашанин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Б. П. Курашвили, В. В. Лазарев, В. М. Лебедев, В. Н. Лопатин, П. Н. Милюков, А. В. Мицкевич, Л. А. Николаева, В. С. Нерсисянц, А. С. Пиголкин, В. П. Сальников, С. В. Степашин, В. Д. Сорокин, А. И. Уткин, Г. Х. Шахназаров и др.

Целью данного исследования выступает комплексный анализ отдельных проблемных аспектов информационной безопасности, связанных с происходящими глобализационными изменениями в современном социуме и определение правовых мер по повышению уровня защиты информации от несанкционированного доступа и утечки информации.

В рамках цифровой трансформации общества ни одна из сфер человеческой деятельности не обходится без внедрения компьютерных технологий для сбора, обработки и хранения информации. В связи с этим, стоит отметить, что в настоящее время информация имеет уникальную ценность и является критически важным ресурсом, требующим надёжных методов защиты.

Процесс информатизации и цифровизации многие ошибочно понимают, как повсеместное оснащение компьютерными и информационными системами. Однако, как отмечает Т. В. Соловьёва, вопрос стоит гораздо шире: он касается государственной политики, правовых и административных отношений [2, с. 28]. На данный момент актуальным вопросом в сфере правового регулирования является обеспечение информационной безопасности, как основного направления деятельности в сфере национальной безопасности. Это, прежде всего, связано с развитием информационно-коммуникационных технологий и повсеместным внедрением цифровых технологий, что способствует изменению характера правоприменительной практики,

которая обеспечивает безопасность всех участников «цифрового» оборота, сохранность персональных данных и различного рода информации в киберпространстве [3, с. 82].

Чаще всего, при трактовке понятия информационная безопасность, исследователями проводится поэтапный анализ каждой из содержащихся в нём категорий. Так, каждое определение представляет авторское видение сущностных характеристик понятий «информация» и «безопасность», в которых отображаются ключевые аспекты такого комплексного явления, как «информационная безопасность». Как отмечается в научной литературе, информация зачастую определяется через различные свойства материи или путем выделения ее содержательного (семантического) или ценностного (прагматического) аспектов [4, с. 6].

К примеру, А. В. Минбалеев, относя информацию к фундаментальной научной категории, определяет её в качестве определенных сообщений, данных, которые отражают объективную действительность, частный или публичный интерес, являющиеся некоторым благом для людей, представленным в любой определенной форме [5, с. 9].

Однако, стоит отметить, что в современном обществе, понятие «информация» реинтерпретируется и приобретает новое значение, которое начинает восприниматься людьми не только лишь в формате объекта интересов людей, но и становится объектом прав всего мирового социума.

Если рассматривать «безопасность» в качестве правовой категории, то определенный интерес вызывает мнение А. Ф. Галузина, который определяет её, как «...явление, свойство, состояние, правоотношение, функцию, принцип, закономерность, теорию, а также средства, меры, деятельность по осуществлению безопасности – противостоянию и противодействию реальным и предполагаемым угрозам и их факторам» [6, с. 5]. Указанная трактовка является весьма обширной, что обусловлено особой природой данного правового явления, его признаками и видами. В науке теоретическое понимание безопасности принято раскрывать исходя из таких его сущностных аспектов, как отсутствие угроз объекту безопасности и (или) наличия уполномоченных систем противодействия им [7, с. 23].

Таким образом, многоаспектность понимания категории «безопасность», как особого общесоциального и политического

института, с одной стороны указывает на разносторонний характер и особую значимость в различных сферах, а с другой стороны, как справедливо отмечает А. Ю. Тутуков, неприменение единого подхода к уяснению его сущности и содержания зачастую создает проблемы в правоприменительной практике [8].

В целом, в современной российской науке информационную безопасность можно представить в виде состояния защищенности общественной информационной среды, соответствующей общественным интересам, интересам государства и отдельно взятого индивида. Данное состояние характеризуется постоянным формированием, функционированием и развитием, независимо от влияния как внешних, так и внутренних угроз информационного характера [9, с. 49].

По своему содержанию информационная безопасность представляет собой защищенность информации от опасности, угроз, которая включает в себя меры по обеспечению защиты информационной среды, представляющей собой пространство как отдельно взятого человека, так и общества, и государства. Информационная безопасность может рассматриваться с разных точек зрения – с технической, политической, экономической, правовой, психологической, информационной и других [10, с. 38–39].

Исходя из этого, наряду с очевидными положительными сторонами повсеместного внедрения информационно-коммуникационных технологий, существуют и серьёзные риски, связанные с проблемами обеспечения информационной безопасности в виртуальной среде.

Несмотря на наличие программных средств защиты, повсеместно в мире происходят утечки конфиденциальной информации, в том числе информации, содержащей государственную тайну, что является масштабной угрозой для национальной безопасности государства.

Экспертно-аналитический центр ГК InfoWatch в своём традиционном отчете по итогам исследования утечек за первое полугодие 2022 года отметил следующее: зарегистрирована 2101 утечка информации ограниченного доступа, что почти в два раза (на 93,2 %) больше, чем за аналогичный период прошлого года [11].

События политического и экономического плана, которые произошли в исследуемый период времени, не могли не оказать влияния на формирование вышеприведённых показателей. Проведение Специальной военной операции Российской Федерацией стало своеобразным катализатором в процессах по осуществлению хакерских

атак с целью дестабилизации общества на фоне происходящих событий. Как отмечает ГК InfoWatch первое полугодие 2022 характеризуется очередным наплывом кибервойн. В новой реальности охота за персональными данными со стороны организованной киберпреступности становится все более интенсивной, количество атак неуклонно увеличивается, цена утечки возросла, и выявление внутренних злоумышленников стало еще более актуальной задачей для служб безопасности компаний по всему миру [11].

Первостепенными задачами в области обеспечения информационной безопасности государства, исходя из современных реалий, должны выступать постоянный анализ рисков информационной безопасности, оценка эффективности систем защиты информации на различных уровнях жизнедеятельности государства; формирование культуры информационной безопасности, путём теоретической подготовки сотрудников организаций, где утечка информации может стать особой угрозой как для безопасности самой организации, так и национальной безопасности государства в целом.

В связи с этим, важно согласиться с А. А. Малюком, который определяет, что большинство злоумышленников используют не столько недостатки оборудования и программного обеспечения, сколько отсутствие должной дисциплины, контроля на рабочих местах пользователей, «необучаемость» и неадекватность персонала. Поэтому исключительное значение приобретает кадровое обеспечение развития информационных технологий вообще и информационной безопасности в частности [12]. Исходя из этого, необходимым компонентом в области обеспечения информационной безопасности выступает культивирование знаний индивидов, не только сотрудников организаций различного уровня, но и населения в целом. Изучение основ информационной безопасности должно преследовать как образовательную, так и прагматическую цели, ведь получение фундаментальных знаний должно в обязательном порядке быть подкреплено практикой для полного усвоения специфики полученных сведений.

Таким образом, на примере современных реалий мы видим огромное значение информационных технологий и влияние информации в развитии современного информационного общества. Особые риски, исходящие от инновационных технологий, находящихся на волне популярности, могут содержать не только новые вирусы,

вредоносные включения, но и угрозы несанкционированного внешнего контроля или управления, нарушения целостности и секретности конфиденциальной информации, управление сознанием неограниченного круга лиц. В связи с этим, необходимым условием внедрения любых технологий выступает обеспечение цифрового суверенитета.

Современному обществу необходимо осознать всю силу информации и научиться управлять ею в положительных аспектах, а не использовать её как разрушающее оружие, с помощью которого возможно осуществить подрыв благосостояния как отдельного индивида, так и целого государства. Поэтому, политика любого современного государства должна быть направлена, в первую очередь, на организацию такой деятельности, которая будет способствовать защите информации, изменению общего методологического подхода к обеспечению безопасности и повышению надёжности новых технологий, искоренению распространения недостоверных сведений и всё это, в совокупности, будет способствовать сохранению национальной безопасности страны.

Глобализационные процессы, протекающие в современном информационном обществе, ставят перед государством особые цели, связанные с разработкой и осуществлением такой действенной политики по защите своих информационных потоков, которая будет при этом отвечать всем условиям динамично развивающегося постиндустриального общества новой формации. При этом, особое внимание должно быть уделено правовому регулированию особо значимых направлений в сфере информационной безопасности, а также научному обоснованию тех или иных категорий, процессов и явлений.

Список источников

1. Амандыкова, С. К. Обеспечение национальной безопасности как вектор государственной национальной политики Республики Казахстан (конституционно-правовые аспекты) / С. К. Амандыкова, Д. К. Рустембекова // Конституционное право и политика: Сборник материалов международной научной конференции: Юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 года / отв. ред. С. А. Авакьян. – Москва, 2012. – С. 681–693.
2. Соловьева, Т. В. Проблемы информационной безопасности в условиях цифровой трансформации общества / Т. В. Соловьева // Вестник Хакасского

государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2019. – № 1(27). – С. 28–30.

3. Тимошенко, Н. А. Правовые аспекты информационной безопасности государства / Н. А. Тимошенко, К. Е. Свиридова // Bulletin of Donetsk National University. – 2020. – № 3. – С. 82–87.

4. Ложкова, Ю. Н. Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности режимных объектов: методические рекомендации по проведению практических занятий по дисциплине «Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности режимных объектов» для студентов специальности 38.05.01 «Экономическая безопасность» / Ю. Н. Ложкова; Алт. гос. техн. ун-т, БТИ. – Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2019. – 29 с.

5. Минбалеев, А. В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества: автореф. ... дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / Минбалеев Алексей Владимирович; [Место защиты: Южно-Уральский государственный университет]. – Челябинск, 2012. – 45 с.

6. Галузин, А. Ф. Безопасность как принцип и функция права / А. Ф. Галузин // Право и политика. – 2004. – № 11. – С. 4–18.

7. Руднева, Н. И. Глава 1. Становление института безопасности и развитие представлений об экономической безопасности / Н. И. Руднева, С. В. Белякова, А. С. Колотова // Экономическая безопасность: Учебно-методическое пособие. – Мичуринск: Мичуринский государственный аграрный университет, 2018. – С. 22–43.

8. Тутуков, А. Ю. К вопросу об определении понятия «безопасность» в теории и законодательстве Российской Федерации / А. Ю. Тутуков // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 6. – С. 166–168.

9. Самыгин, С. И. Историко-философское осмысление проблемы информационной безопасности / С. И. Самыгин, А. М. Руденко, В. В. Котлярова // Социум и власть. – 2016. – № 2(58). – С. 47–51.

10. Комаров, С. А. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных / С. А. Комаров, Е. В. Мицкая. – Санкт-Петербург: Юридический институт, 2018. – 168 с.

11. Отчёт об исследовании утечек информации ограниченного доступа в I половине 2022 года // Экспертно-аналитический центр InfoWatch. 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/analytics/files/otchyot-ob-utechkakh-dannykh-za-1-polugodie-2022-goda_1.pdf (дата обращения: 15.02.2023). – Загл. с экрана.

12. Малюк, А. А. Кадровое обеспечение информационной безопасности / А. А. Малюк // Государственная служба. – 2011. – № 5. – С. 75–79.

PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY IN THE FRAMEWORK OF MODERN LEGAL DISCOURSE

The article presents an analysis of certain problematic aspects of information security related to the ongoing globalization changes in modern society. The features of the categories «information» and «security» as key components of information security are disclosed. The paper also defines legal measures to increase the level of protection of information from unauthorized access and information leakage.

Keywords: information security, national security, informatization and automation of society, globalization processes, information leakage.

Манивлец Элина Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
уголовного права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: e.manivlets@donnu.ru

Manivlets Elina

Candidate of Law, Associate
Professor, Associate Professor of
the Department of Criminal Law
and Procedure of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: e.manivlets@donnu.ru

Свиридова Кристина Евгеньевна

ассистент кафедры теории
и истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: k.sviridova@donnu.ru

Sviridova Kristina

Assistant of the Department of
Theory and History of State and
Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: k.sviridova@donnu.ru

УДК 334.732.2(091)

Невлев В. В.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕДИТНО-КООПЕРАТИВНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Статья посвящена изучению кооперативных закономерностей в истории развития кредитных обществ потребительской системы России. Исследованы этапы формирования структуры правового регулирования процесса кредитования. Дана краткая ретроспектива становления отечественной кредитной кооперации, обоснована сущность проблемы. Подчеркнуто значение правового регулирования кредитной кооперации как института гражданского общества.

Ключевые слова: потребительская кооперация, кредитные общества, правовое регулирование, кредитное законодательство, закономерность.

В современной правовой и кооперативной теории кредитная кооперация трактуется как форма организации социально-экономической деятельности кредитных учреждений, при активном участии граждан для оказания финансовой помощи малоимущему населению. Развитие кредитной кооперации в России рассматривается на трех исторических этапах: дореволюционном, довоенном и современном [8].

Первое кредитное общество официально было организовано семьей Лугиных в 1865 г. в селе Рождественское Костромской губернии. Устав кооператива разработан по типу Шульце-Делического ссудо-сберегательного товарищества. Из-за трудного экономического положения в стране опыт Лугиных не получил широкого распространения. С середины 90 гг. XIX в. начался экономический подъем, который привел к оживлению кредитной кооперации. Принимается ряд государственных документов об учреждениях мелкого кредита, общий кооперативный закон. Открывается Московский народный банк (МНБ) для обслуживания кредитной кооперации [4].

© Невлев В. В., 2022

Совершив революцию, большевики не имели четкой программы по отношению к кредитной кооперации. Закрывались и национализировались кредитные товарищества, реквизировалось имущество, ликвидирован МНБ. Принятые правовые акты не способствовали развитию кредитной кооперации. В начале 20 гг. XX в. разразился тяжелый экономический кризис. Правительство объявило переход к новой экономической политике (НЭП). Это было лучшее время для деятельности кредитной кооперации в советские годы. Усиление процессов индустриализации и коллективизации, отмена НЭП, кредитная реформа 1930 г. уничтожили кредитную кооперацию на многие годы [11, с. 291–295].

В войну и послевоенный период этот вид кооперации не существовал. В 80 гг. возникли перебои с продовольствием, которые стали государственной проблемой. Было введено частное сельскохозяйственное производство, которое потребовало кредитования. В России была создана правовая база деятельности кредитных кооперативов, принят ряд кооперативных законов, в том числе в 2009 г. ФЗ «О кредитной кооперации». Формируются кредитные системы – потребительская и сельскохозяйственная, которые контролируются государством, гарантированы Конституцией и Гражданским кодексом РФ. Выполняя экономические функции, кредитная кооперация одновременно решает социальные задачи, являясь важным институтом гражданского общества [6]. Такова вкратце предистория современной кредитной кооперации России. Остановимся более подробно на особенностях её правового регулирования.

Проводимые исследования по выявлению причин, мешающих развитию малого бизнеса в стране, показали, что одним из главных негативных факторов является сложность получения банковского кредита. Отмечалось, что за рубежом на один банк приходится около ста кредитных кооперативов, которые осуществляют поддержку субъектов малого предпринимательства. Это говорит о том, что наличие кредитных институтов потребительской кооперации помогает быстро и эффективно решать проблемы малого бизнеса, привлекать в экономическую деятельность значительную часть населения [7].

Большие возможности кредитной кооперации как формы хозяйствования и социализации ещё недостаточно изучены, что открывает новые горизонты для работы в этом направлении, в том числе в области отечественной правовой науки. Это определяет актуальность

теоретических исследований данной проблемы, а также имеет практическое значение в условиях глобальной финансовой нестабильности. Изучение генезиса институционального становления российского законодательства о кредитной кооперации, выявление механизмов её правового регулирования является важной научной задачей, решение которой направлено на совершенствование имеющихся правовых моделей [3].

Избранная тема статьи не нашла достаточной теоретической разработки в юридической литературе. Отечественная наука включает в себя исследования института кредитной потребительской кооперации, проводившиеся в трех основных направлениях: истории становления кооперации, теории кооперации и правового регулирования кооперации. Последняя группа, отражающая юридическую составляющую кредитной потребительской кооперации в ее исторической проекции, весьма малочисленна [4].

Изучение исторических и теоретико-правовых основ регулирования кредитной потребительской кооперации в России базировалось на использовании взглядов, идей и концепций отечественных и зарубежных ученых. В частности, привлекались работы авторов, занимавшихся разработкой общего учения о праве и государстве: С. С. Алексеева, А. М. Васильева, О. С. Иоффе, С. А. Комарова, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Н. И. Матузова, В. С. Нерсисянца, А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной, Ю. А. Тихомирова.

При исследовании этапов становления отечественного законодательства о кредитной потребительской кооперации анализировались труды М. М. Агаркова, А. Н. Анциферова, С. В. Бородаевского, М. Л. Хейсина, Р. О. Халфиной. Для выявления статуса кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества применялись положения и идеи, выработанные Л. Ю. Грудцыной, В. Д. Зорькиным.

Аргументация заявленной проблемы способствовали работы А. В. Аверьянова, В. В. Витрянского, Д. Г. Плахотной, Д. Шастина. Сравнивались труды отечественных и таких зарубежных ученых, как Б. Балкенхол, С. Гилберт, Дж. Керолл, А. Селигман.

Особо выделяем труды белгородских правоведов и ученых, сотрудничавших с белгородскими вузами. Вклад в общее учение о праве и государстве внесли Г. А. Борисов, И. А. Исаев, М. В. Мархгейм, А. Е. Новикова, Е. Е. Тонков и другие. Исследовали отечественное

законодательство о потребительской кооперации Н. В. Витрук, В. П. Касаткин, О. А. Липич, Т. А. Селиверстов, В. И. Теплов. Кредитную кооперацию как институт гражданского общества изучали Н. Н. Олейник, А. М. Рабец, В. Н. Самсонов, С. В. Тычинин. Особенности правового регулирования кредитной кооперации отразили в своих работах А. Ю. Кузубова, И. А. Ряпухина, Е. В. Сафронова, Ю. Н. Стариков.

Имеются по заявленной проблеме научные публикации автора [10–14]. Изучались в кредитной кооперации взаимоотношения с кредитными промыслами: Н. Н. Олейник [15, с. 58–66; 16, с. 276–281]; экономические аспекты правового регулирования: А. А. Глушецкий [5], Л. В. Соловьёва [13, с. 280–287; 18]; её место в общей системе потребительской кооперации: В. В. Невлев [10, с. 19–23; 12, с. 348–356; 14], Л. В. Соловьёва [17].

Материалы статьи соотносились с трудами ученых дореволюционного периода: А. Н. Анциферова [1, с. 17], С. В. Бородаевского [2, с. 91], М. И. Туган-Барановского [20, с. 96], А. В. Чаянова [22], работами В. И. Ленина о кооперации [9]. Советский период изучали И. Н. Буздалов [3], А. П. Климов [7], Л. Е. Теплова [19, с. 13–14]. Российской истории кредитной кооперации посвящены работы К. И. Вахитова [4], Н. К. Фигурновской [21]. Кроме этого использовались нормативно-правовые документы государственного и ведомственного характера. Методологической основой исследования послужили общепринятые методики.

Исторические вехи правового оформления кредитной кооперации. Систематизация возникших в XIX–начале XX вв. подходов к дефиниции «кооперация» позволила выделить в теоретических разработках два направления:

1) институциональное, в рамках которого кооперация рассматривалась как объединение кооперативов для совместного ведения хозяйственной и общественной деятельности;

2) функциональное, отдающее приоритет процессуальному аспекту кооперации как совместному ведению какой-либо деятельности в целях достижения общей цели.

Оба определения полностью подходят к кредитной кооперации, которая является важной составной частью потребкооперации [22]. Установлено, что российское законодательство о потребительском кооперативном кредитовании формировалось под влиянием

отечественного и зарубежного опыта. Анализ правовых и исторических источников позволил выделить следующие периоды в становлении и развитии отечественного института кооперативного кредитования:

- 1834 г. – 1917 г. – период формирования правовых основ функционирования кредитной кооперации;
- 20 марта 1917 г. – 30 января 1930 г. – советский период правового регулирования кооперативного кредитования;
- 26 мая 1988 г. – до настоящего времени – антиэтатическая модель законодательства о кредитной кооперации [10, с. 19–23].

Органичное включение кредитной потребительской кооперации в российскую социально-экономическую практику связано с присутствием в традициях отечественного хозяйствования элементов примитивной кооперации или предкооперации (крестьянские общины, артельные формы хозяйствования, институты складчины и взаимопомощи). Факторами, обусловившими в конце XIX–начале XX вв. масштабность охвата населения кредитным потребительским кредитованием, являются ослабление общинной формы земледелия, переход от замкнутого натурального хозяйства к рыночному, финансовая поддержка государством кредитных товариществ путем предоставления средств на образование основных капиталов [15, с. 58–66].

В рамках социалистической экономики присущими ей плановостью, централизацией и иными атрибутами этатизма, функционирование кредитной кооперации изначально было обречено на неудачу. Принятие ряда законодательных актов, стимулирующих кооперативное кредитование в годы Новой экономической политики, не смогло возродить данный институт до уровня начала XX в. Противоречия в политике советского государства по отношению к кредитной потребительской кооперации, субстанционально выразившиеся в неспособности плановой экономики стать базисом для развития негосударственной общественной формы удовлетворения финансовых потребностей населения обусловили исключение последней из жизни российского социума на долгие годы [14].

Влияние кооперативных закономерностей на правовое регулирование кредитной деятельности. Правовое регулирование кооперативной деятельности основывается на её принципах как особых ценностных установках [8]. Генезис принципов кредитной кооперации был обусловлен универсальными правилами кооперации, установленными в 1895 г. первым Конгрессом Международного

кооперативного альянса. Они означают незыблемость для всех обществ основных кооперативных принципов. Анализ теории и практики функционирования кредитных потребительских кооперативов в мировом масштабе позволяет отметить ряд аксиологических установок, определяющих направления развития кредитной кооперации.

К ним относят: 1) взаимопомощь, предполагающую объединение общих усилий и ресурсов для достижения единых целей; 2) взаимответственность, выражающуюся в совместном несении солидарной ответственности по обязательствам кооператива; 3) самоуправление, осуществляемое членами кредитного кооператива как непосредственно, так и через избираемые руководящие органы; 4) добровольность, основанную на свободе воли каждого индивида в принятии решения о приобретении прав и обязанностей; 5) открытость кредитных кооперативов для вступления всех желающих физических и юридических лиц вне зависимости от пола, расы, национальности, имущественного положения; 6) идентичность, означающую возможность члена кооперативного объединения одновременно являться его учредителем и потребителем услуг; 7) территориальность, предполагающую сотрудничество членов кооператива, основанную на личном знакомстве [19, с. 13–14].

Правовое регулирование кредитной потребительской кооперации России осуществляется совокупностью формальных источников. Помимо государственного воздействия на деятельность кредитных кооперативов предусмотрено существование института саморегулирования. Его назначение определяется упорядочением и контролем за деятельностью, а также представлением и защитой интересов своих членов, реализуемых посредством объединения кооперативов в самоуправляемые организации и союзы кредитных обществ [12, с. 348–356].

Мера достижения правовых целей действующего российского законодательства о кредитной кооперации находится в прямой зависимости от социальной обусловленности и качества законотворчества, уровня правосознания и правовой культуры граждан, соответствия историческим традициям совместного ведения хозяйства. Обеспечение эффективности правового регулирования институтов кредитной потребительской кооперации возможно только посредством органичного включения юридической конструкции в идеологию и культуру конкретного общества [20].

Важно отметить, что кредитная потребительская кооперация – один из институтов гражданского общества. Это доказывается в силу присутствия у нее специфических черт: наличия уникальных взаимосвязей между членами кредитных кооперативов; постановки особых целей и задач; сформированной многолетней практикой деятельности кооперативной идеологией. Следовательно модель потребительского кооперативного кредитования представляет собой негосударственный общественный институт, основанный на членстве и позволяющий индивидам (их группам) удовлетворять финансовые потребности. Дуалистичность кредитной потребительской кооперации определяется тем, что она является формой хозяйствования и формой социализации со специфической философией и коллективистской психологией [21].

Социальное предназначение кредитной потребительской кооперации определяется тем, что она: 1) является компонентом так называемого «третьего сектора» (сектора добровольной активности), включающего в себя лиц, не ставящих перед собой задачи по увеличению личного дохода через участие в объединении; 2) способствует консолидации личности и общества, нивелируя социальную напряженность; 3) обеспечивает доступную финансовую поддержку, предоставляя возможности повышения благосостояния; 4) помогает решению важных экономических задач, поощряет инициативность, предприимчивость, ответственность, способствует занятости населения; 5) активизирует потребительский спрос, стимулирует развитие производства [5].

Важная полезность исследуемой проблемы заключается в том, что полученные результаты способствуют более точной реконструкции исторических этапов становления и развития кредитной потребительской кооперации в России, поднимают на новый уровень понимания развитие организационно-правовых основ потребительского кредитования. Изучение потенциала кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества помогает осознать ценностную ориентацию кооперации как универсального механизма создания экономической стабильности, объединяющего идеологические и хозяйственные начала.

Другая значимость состоит в возможности использования полученных выводов в дальнейшей научной и учебно-методической разработке вопросов правового регулирования кредитной

потребительской кооперации, при подготовке исследовательских работ по истории и теории кредитной кооперации. Рассматриваемые положения развивают и углубляют концепцию кооперативного потребительского кредитования, что может быть применимо в процессе кооперативного законотворчества, практической деятельности субъектов кооперации.

Список источников

1. Анцыферов, А. Н. Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции / А. Н. Анцыферов, прив.-доц. Харьк. ун-та. – Воронеж: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1907. – 547 с.
2. Бородаевский, С. В. Сборник по мелкому кредиту: (Законоположения, образцовые уставы учреждений мелкого кредита, адм. распоряжения, операц. правила, сенат. решения, практ. советы и указания) / сост. С. В. Бородаевский. – 4-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург: С.-Петерб. отд. Ком. о сел. ссудосберегат. и пром. т-вах, 1912. – 340 с.
3. Буздалов, И. Н. Возрождение кооперации / И. Н. Буздалов. – Москва: Экономика, 1990. – 173 с.
4. Вахитов, К. И. История потребительской кооперации России: учебник / К. И. Вахитов. – 6-е изд. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2021. – 400 с.
5. Глушецкий, А. А. Кооперация: роль в современной экономике / А. А. Глушецкий. – Москва: Профиздат, 1991. – 159 с.
6. Ермаков, В.Ф. Теоретические и методологические основы управления системой потребительской кооперации: монография / В. Ф. Ермаков. – Москва: Дашков и К^о, 2003. – 222 с.
7. Климов, А. П. Потребительская кооперация в системе развитого социализма / А. П. Климов. – Москва: Экономика, 1980. – 207 с.
8. Коряков, И. А. Принципы кооперативного движения / И. А. Коряков; Центросоюз РФ. Сиб. ун-т потреб. кооп., Забайк. ин-т предпринимательства. Забайк. фил. Рус. геогр. о-ва. – Чита: Изд-во Забайк. ин-та предпринимательства Сиб. ун-та потреб. кооп., 1998. – 235 с.
9. Ленин, В. И. О кооперации: Статьи и речи / под ред. и с вступ. статьей Н. Л. Мещерякова. – 4-е изд., стер. – Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930 (М.: тип. «Красный пролетарий»). – 181 с.
10. Невлев, В. В. Конституционно-правовое развитие кредитной кооперации в истории России / В. В. Невлев // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 26. – С. 74–82.
11. Невлев, В. В. Правовая компонента обществ взаимного кредита в развитии послереволюционного частного производства / В. В. Невлев,

Н. Н. Олейник // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – Т. 28. – Вып. 2. – Ижевск, 2018. – С. 291–295.

12. Невлев, В. В. Социально-правовая трансформация института кредитной кооперации в Российском законодательстве / В. В. Невлев, Л. В. Соловьева / Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – Т. 8(74). – № 2. – Симферополь, 2022. – С. 348–356.

13. Невлев, В. В. Конвергенция социально-экономической природы правового регулирования кредитной кооперации / В. В. Невлев, Л. В. Соловьева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. Т. 9(75). – № 1. – Симферополь, 2023. – С. 280–287.

14. Невлев, В. В. История кооперативного движения в южных регионах России: правовое сопровождение: монография / В. В. Невлев. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. – 172 с.

15. Олейник, Н. Н. Историко-правовое развитие кооперации кредитных обществ и кустарных промыслов в пореформенный период / Н. Н. Олейник, В. В. Невлев // История государства и права. – Москва, 2019. – № 11. – С. 58–66.

16. Олейник, Н. Н. Особенности государственно-правового взаимодействия кредитного законодательства и кустарной политики в дореволюционной России / Н. Н. Олейник, В. В. Невлев, Н. П. Маслов // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – Т. 30. – Вып. 2. – Ижевск, 2020. – С. 276–281.

17. Соловьева, Л. В. Организационно-правовое становление кредитной кооперации в истории России: монография / Л. В. Соловьёва, В. В. Невлев. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2020. – 120 с.

18. Соловьева, Л. В. Экономико-правовая деятельность кредитных кооперативов: учебное пособие / Л. В. Соловьёва, В. В. Невлев. – Белгород: ООО «Эпицентр». 2020. – 76 с.

19. Теплова, Л. Е. Основы потребительской кооперации: учеб. пособие для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений / Л. Е. Теплова. – 2-е изд. – Москва: Вита-Пресс, 2005 (Твер. полигр. комб. дет. лит.). – 158 с.

20. Туган-Барановский, М. И. Социальные основы кооперации / М. И. Туган-Барановский. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 418 с.

21. Фигуровская, Н. К. Кооперация. Страницы истории. В 3 т. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков. – Т. 1, кн. 1: 30–40-е годы XIX–начало XX века. Предыстория / [сост. Н. К. Фигуровская]. – 1998. – 767 с.

22. Чаянов, А. В. Краткий курс кооперации / А. Чаянов. – Москва: Кн. палата, 1989. – 77 с.

HISTORICAL FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CREDIT AND COOPERATIVE PATTERNS

The article is devoted to the study of cooperative patterns in the history of the development of credit societies of the Russian consumer system. The stages of formation of the structure of legal regulation of the lending process have been studied. A brief retrospective of the formation of domestic credit cooperation is given and the essence of the problem is substantiated. The importance of legal regulation of credit cooperation as an institution of civil society is emphasized.

Keywords: consumer cooperation, credit societies, legal regulation, credit legislation, regularity.

Невлев Владислав Владимирович
кандидат юридических наук,
доцент, профессор РАЕ, доцент
кафедры теории и истории
государства и права
Белгородского университета
кооперации, экономики и права
E-mail: no.pasapan@mail.ru

Nevlev Vladislav
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Professor of
the Russian Academy of
Economics, Associate Professor of
the Department of Theory and
History of State and Law of
Belgorod University of
Cooperation, Economics and Law
E-mail: no.pasapan@mail.ru

УДК 346.242:347.191.11

Смирнова Е. В.

Титов М. А.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В статье проведен анализ зарубежного законодательства, регулирующего правовой статус государственных корпораций. Авторами на примере опыта США, Великобритании, Канады, Южной Кореи рассмотрены особенности такой организационно-правовой формы юридического лица, как государственная корпорация, проведен сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: государственная корпорация, корпорация, негосударственные корпорации, бюджетные корпорации.

В соответствии со статьей 7.1. Федерального закона «О некоммерческих организациях» государственной корпорацией признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией на основе имущественного взноса и созданная для осуществления социальных, управленческих или иных общественно полезных функций [1].

Государственная корпорация не отвечает по обязательствам государства и наоборот. В современном российском праве данный институт является относительно молодым и новым, который еще претерпевает изменения и окончательно не сформирован.

Исследованию проблем правового статуса государственных корпораций посвящены научные труды таких ученых как Калмыкова Т. Н., Смирнов А. В., Соболев Г. С., Шеина И. В., Пухова М. М., Кривцова М. К., Цихоцкий Ф. К., Свиридова Е. С. и др.

Цель настоящего исследования заключается в изучении норм зарубежного законодательства и сравнительного анализа с

законодательством Российской Федерации о государственных корпорациях.

В зависимости от государства меняются и функции государственной корпорации. В США они называются «принадлежащие правительству корпорации» («government-owned corporation»), в Австралии – «правительственное бизнес-предпринимательство» («government business enterprise»), в Канаде – «королевская корпорация» («crown corporation»).

Интересным различием российской и зарубежных госкорпорациях является роль самого государства в их функционировании. Указанные выше предприятия чаще всего выступают государственной собственностью, а сами они больше похожи на акционерные общества, нежели на самостоятельные организационно-правовые формы. В международном праве используются термины «частные и государственные корпорации, в том числе транснациональные корпорации», что прямо указано в Декларации ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях [2].

По-другому выглядит ситуация в странах Европейского континента, в частности Великобритании. В них организации выступают со стороны децентрализации государственной власти и именуются как полунегосударственные корпорации – quango, или же quasi non-governmental corporation (agency). Сам термин расшифровывается как «будто бы не правительственное агентство». С одной стороны, государство не имеет полного контроля над их деятельностью, но с другой, частично может влиять на ее управление [3, с. 10]. Формально они самостоятельны и не зависят от государственной власти, однако, законодательно, наделены функциями управления.

Российский законодатель вдохновился подобным институтом: самостоятельная организация в гражданско-правовой сфере, международном коммерческом праве, наделенная некоторыми функциями исполнительной власти. Так и появились первые государственные корпорации в Российской Федерации, выполняющие на то время некоторые коммерческие функции и контролируемые государством.

В зарубежных странах государственные корпорации создаются по некоторым общим принципам. Во-первых, создание и деятельность госкорпораций регулируется специальными законами, во-вторых,

данными законами предусмотрено формирование совета директоров для управления государственной корпорацией, подчиняемых правительству. Также важно отметить, что их деятельность носит коммерческий характер.

В США правительственные организации создаются Конгрессом США с целью общественной полезности и получения дохода для покрытия расходов. Согласно закону «О контроле за правительственными корпорациями», госкорпорацией считается организация, которая основана на государственной или государственной и частной (смешанной) формах собственности [4]. Для государственных корпораций США характерны следующие особенности:

1) их численность постоянно меняется – государственные корпорации, как юридическое лицо, помимо создания, может также подлежать реорганизации и ликвидации;

2) бюджет – он ограничен строгими рамками, из-за чего приходится постоянно искать новые источники финансирования и его альтернативы, так же приходится выбирать между теми или иными нуждами, необходимыми для полноценного функционирования агентства;

3) экономическая эффективность – не смотря на ограниченный бюджет, деятельность государственной корпорации намного эффективнее нежели непосредственное влияние самого государства;

4) льготы – Конгресс США наделяет государственные корпорации специальными льготами намного чаще, чем иные организации;

5) новое государственное управление – данная концепция близка к сущности государственных корпораций и предполагает внедрение в государственную предпринимательскую деятельность подхода, применимого к частному предпринимательству, что, в теории, позитивно скажется на экономике государства.

Государственные корпорации в Канаде (именуемыми «королевскими») по своим функциям идентичны акционерному обществу. Акционеры несут ограниченную ответственность по долгам и обязательствам корпорации. Согласно законодательству Канады, не допускается выпуск акций с номинальной стоимостью, а сами акции могут выпускать корпорации как открытого, так и закрытого типа. Их деятельность является бессрочной. Открытому типу корпорации для открытой продажи акций необходимо издать предварительный проспект эмиссии, регламентируемый требованиями Федеральной и

провинциальной Комиссиями по ценным бумагам Канады. Закрытый тип корпорации ограничен составом в 50 акционеров – им запрещена продажа акций в открытую.

Также, необходим ежегодный аудит, правда, существуют исключительные случаи, когда корпорация освобождается от его проведения (в основном это относится к маленьким закрытым государственным корпорациям). Деятельность таких корпораций контролируется и управляется Советом директоров, финансовый год не фиксирован (в то время как большинством организаций установлена конкретная дата – 31 декабря) [5, с. 237].

В Великобритании государственные корпорации контролируются министрами (Министерство финансов, Министерство торговли и промышленности, Министерство транспорта, Министерство сельского хозяйства), функционируют они в экономическом секторе национального права, в следствии чего невозможна неподконтрольность данной формы государственному аппарату [6, с. 67].

По сравнению с США, частная предпринимательская деятельность контролируется намного мягче, чем государственная корпорация, при этом они не соединяются как единое решение для улучшения государственного контроля в области экономики. Главная функция госкорпорации Великобритании направлена на управление секторами экономической деятельности.

Интересной особенностью является четкость распределения полномочий между государственными корпорациями – для каждого сектора экономики создаются свои собственные государственные корпорации, которые отвечают за контроль и решение вопросов конкретно данной области.

Западноевропейский регион можно характеризовать следующим образом. На его развитие сильно повлияли последствия второй мировой войны. Получили развитие, благодаря национализации, отрасли железнодорожного и воздушного транспорта, топливно-энергетические комплексы, жилищно-коммунальное хозяйство и многие другие, однако их первоначальное состояние оставляло желать лучшего, с чем и связана направленность их деятельности в первую очередь на социальную полезность, после уже экономическую.

Уже ближе к современности многие государственные предприятия прошли процедуры приватизации, в связи с чем размер госсобственности значительно уменьшился. Финансирование государственных образ

данного региона по большей части составляют дотации (деньги, которые выделяет государство или организация из своего бюджета для помощи предприятию), субсидии (выплачиваются из государственного, регионального или муниципального бюджетов), а также кредиты.

Для более полной и целой характеристики зарубежного опыта применения государственной корпорации следует также рассмотреть азиатский регион. Более ярко раскрывает данный институт Южная Корея, где первые государственные корпорации появились совсем недавно, в 1960-е года, но при этом они получили широкое распространение по всей стране. Они называются «чеболи», представляющие собой объединение самостоятельных фирм, являющиеся собственностью семей под единым административно-финансовым контролем. Они определяют экономическое состояние страны и после Корейской войны стали основной причиной выхода Южной Кореи из состояния застоя.

Примерами таких государственных корпораций являются Корейская национальная нефтяная корпорация, Корейская земельная корпорация, Корейская корпорация аэропортов, Корейская корпорация по страхованию депозитов, некоммерческие организации Национальной пенсионной корпорации, Корпорация пенсионного обеспечения государственных служащих и многие другие (всего, на данный момент, на территории Южной Кореи существует около 30 подобных организаций, вышеперечисленные являются первооснователями данного института) [7].

Законодательно предусмотрено выделение двух видов государственной корпорации в Южной Корее:

1) коммерческая – создаются в форме акционерного общества, акции которых котируются и продаются как на национальных биржах, так и на международной арене;

2) некоммерческие – фонды (называемые банками развития), в которых собираются и накапливаются финансы, которые могут истрачиваться на поддержку деятельности государственных корпораций в сфере социальной полезности и общественных проектов.

Как и во многих зарубежных странах, деятельность южнокорейской государственной корпорации в значительно контролируется государством, как и вся экономика страны в целом.

«Дзайбацу» – японский аналог «чеболи». Данный термин применяется в отношении крупных промышленно-финансовых

объединений Японии и в буквальном переводе означает «собственность сборища богачей».

Первые юридические лица появились примерно в середине 21 века, это было связано с индустриализацией предпринимательской деятельности и расширения экономического влияния на весь мир. Правда так было не всегда. Правительство Японии активно и масштабно субсидировало строительство железных дорог, почтовых служб, телефонной и телеграфной связи, а также объекты топливной и энергетической промышленности, из-за чего экономика государства пострадала и пережила упадок, а предприятия перешли в состояние частной собственности более крупных предприятий.

Можно выделить следующие особенности японской государственной корпорации:

- 1) создаются в форме акционерного общества;
- 2) реализация национальных приоритетов наиболее важного социально-экономического характера;
- 3) кредитные возможности – уникальное явление для государственной корпорации Японии в силу их взаимосвязи с банковским сектором (им, буквально, дают кредиты, которые им принадлежат);
- 4) финансирование государством;
- 5) по большей степени носят некоммерческий характер.

На данный момент существует около 70 японских государственных корпораций, целью которых является завоевание мирового экономического рынка. Их численность постепенно снижается, так как юридические лица ликвидируются после достижения поставленных для них задач. Самые известные государственные корпорации Японии – Банк развития Японии, Корпорация страхования депозитов Японии, Корпорация жилищного кредитования, Корпорация финансирования сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства, Ассоциация кредитных гарантий, и иные организации [8].

Государственная корпорация уникальное и интересно явление не только в общей теории права, но и в правотворчестве каждого отдельно взятого государства, что видно из рассмотренных примеров американского, европейского и азиатского регионов. Для Северной Америки свойственно появление государственной корпорации как инструмента государства для регулирования и вмешательства во внутреннюю экономику государств, для Европы свойственно выделение

государственной корпорации, как способа реабилитации в послевоенное время и восстановления экономического уровня, для Азии же – государственная корпорация является инструментом для достижения как внутриэкономических целей, так и влияние на мировой рынок в целом. Для каждого из них общим является достижение полезных для общества целей, в основном связанными с дорожными отношениями и социально-коммунальной сферой.

Нельзя не отметить различия между зарубежными и российскими госкорпорациями. Для России не свойственны плотный государственный контроль над деятельностью госкорпорации, а сама деятельность не имеет такой сильной экономической направленности. Но при этом, возникает проблема цели существования государственной корпорации в Российской Федерации, поскольку она не выполняет при этом и функцию общественной полезности, и остается местом по распределению бюджетных средств между иными формами.

При этом, в зарубежной практике, в отличие от России, государственные корпорации скорее являются усовершенствованной формой акционерного общества с четким государственным и политико-экономическим характером, в то время как в российском законодательстве государственная корпорация является самостоятельной и независимой организационно-правовой формой юридического лица.

Таким образом, анализ зарубежного опыта правового регулирования государственных корпораций позволяет сделать вывод о неоднородности правового статуса таких субъектов в зарубежном праве: наличие различных целей – от экономических до социальных, как коммерческий, так и некоммерческий характер деятельности и др. Однако, почти всегда правовой статус государственной корпорации предполагает четкую регламентацию деятельности корпораций (посредством специальных законов), высокую степень участия государства в управлении и контроле над государственными корпорациями.

Безусловно, при разработке законодательства о государственных корпорациях учитывался опыт зарубежных стран. И дальнейший его анализ позволит усовершенствовать механизм правового регулирования деятельности государственных корпораций в отечественном праве и обеспечивать относительную устойчивость и стабильность государственного сектора экономики в период санкций.

Список источников

1. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 14.04.2022) // Собрание законодательства РФ – 1996. – № 3. – Ст. 145.
2. Декларация Организации Объединенных Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях (Принята резолюцией 51/191 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1996 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bribery.shtml (дата обращения: 20.05.2022). – Загл. с экрана.
3. Соболев, Г. С. Административно-правовой статус публичных корпораций в странах общего права (на примере Великобритании и США): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: специальность 12.00.14 – Административное право, информационное право, финансовое право / Г.С. Соболев; науч. рук. А.Б. Зеленцов. – М., 2010. – 26 с.
4. Федеральные правительственные корпорации в США / Агентство по страхованию вкладов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asv.org.ru/news/123844> (дата обращения: 20.05.2022). – Загл. с экрана.
5. Калмыкова, Т. Н. Зарубежный опыт формирования государственных корпораций в структуре современной экономики / Т. Н. Калмыкова // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2014. – № 4(29). – С. 236–240.
6. Шеина, И. В. Формирование и функционирование государственных корпораций: зарубежная практика / И. В. Шеина // Научные записки молодых исследователей. – 2016. – № 1. – С. 63–68.
7. Смирнов, А. В. Экономическое чудо в Южной Корее: уроки для России / А. В. Смирнов // Золотой Лев. Опыт Южной Кореи: уроки для России. – 2006. – № 277-278 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/144/144_12.htm (дата обращения: 20.05.2022). – Загл. с экрана.
8. Пухова, М. М. Опыт управления государственными корпорациями в зарубежных странах и его применение в России / М. М. Пухова, М. К. Кривцова, Ф. Н. Цихоцкий, Е. С. Свиридова // Вестник евразийской науки. – 201. – № 4(23). – С. 46–56.

LEGAL REGULATION OF STATE CORPORATIONS IN FOREIGN COUNTRIES

The article analyzes the foreign legislation regulating the legal status of state corporations. The authors, using the example of the experience of the USA, Great Britain, Canada, South Korea, considered the features of such an organizational

and legal form of a legal entity as a state corporation, conducted a comparative analysis with the legislation of the Russian Federation.

Keywords: state corporation, corporation, non-state corporations, budget corporations.

Смирнова Екатерина Владимировна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»,
ДНР, г. Донецк
E-mail: e_smirnova@donnu.ru

Smirnova Ekaterina
Senior Lecturer of Civil Law and
Process Department of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: e_smirnova@donnu.ru

Титов Максим Андреевич
студент юридического
факультета ГОУ ВПО
«Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kykyryzal1tv@gmail.com

Titov Maxim
Student Faculty of Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: kykyryzal1tv@gmail.com

УДК 343(477.62)

Хоруженко К. А.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ДОНБАССА В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1920-Е ГОДЫ)

В статье рассмотрены особенности и проблемы функционирования системы правоохранительных органов Донбасса на фоне состояния уголовной преступности в годы нэпа. Выявлен ряд особенностей структуры органов правопорядка, защищающих «революционный порядок» в регионе. Раскрыта специфика их деятельности. Дан анализ явлениям уголовной преступности и показан опыт их преодоления в условиях трансформации процессов Донбасса в 1920-х годах.

Ключевые слова: правоохранительные органы Донбасса, правопорядок, история правоохранительной системы, уголовная преступность, период нэпа, правовые основы.

Постановка проблемы. 1920-е годы ознаменовались в истории государства и права как годы реструктуризации правоохранительной системы в условиях Новой экономической политики. Именно в этот период решались сложные задачи по организационному устройству и кадровым вопросам в связи с глобальными политическими и государственными переменами в стране. Для правоохранительной системы Донбасса в нынешних условиях представляет особый интерес в плане изучения и анализа истории правоохранительных органов, их форм и методов деятельности. В свете представленной точки зрения речь идет исключительно о правоохранительной системе, а ни в коей мере не дается оценка политических процессов и общественного развития.

Исследование этой темы сохраняет свою актуальность в нынешних условиях во многом потому, что наука развивается и требует пересмотра и переосмысления существующего опыта. А еще преступность и

© Хоруженко К. А., 2022

криминалитет в современном мире становится все более влиятельным фактором общественного развития, часто разыгрывается как политическая карта во влиятельных сферах, проявляется тем или иным способом в силовых действиях и бюрократических механизмах. Когда криминальные действия, их характер, количество и масштабность выходят за допустимые пределы общественного терпения, создаются условия, при которых общество, так или иначе, начинает противостоять, стихийно или организовано, возникающим ущемлениям собственных свобод.

Как свидетельствует история, авторитарные режимы не всегда могут влиять на уголовную преступность в определенной степени через репрессии и силовые воздействия, но при этом, как показывает анализ материалов, растет количество так называемых политических отклонений, правонарушений и радикальных движений. А меры воздействия и устранение их есть не что иное, как системная работа специальных органов и всей правоохранительной системы государства.

С этой точки зрения важным есть исследование процесса становления и развития системы карательных органов Донбасса в историческом ракурсе событий и в векторе аналогичных по значимости задач. В настоящей статье затронутая проблема хронологически будет рассматриваться в пределах 1920-х годов, а точнее в период Новой экономической политики (нэп) советского периода, когда перед страной остро стояла задача обеспечения правопорядка и законности проводимых властью реформ.

Очевидно, что постепенное укрепление в регионе правоохранительной системы в целом и карательных органов в частности, даже предоставление некоторым из них внесудебных полномочий, а так же упрощенные советско-марксистские постулаты о преступности и ее несвойственности социалистическому строю, приводили к смещению политической и уголовной преступности, а местами и к нарушению принципа объективности.

Сегодня, когда серьезной гуманитарно-социальной проблемой на пути укрепления государственности Донецкой Народной Республики с позиции демократического и суверенного субъекта, как социальной и правовой державы, остается формирование гражданского общества (одним из признаков которого всегда были и остаются высокий уровень ответственности его членов и законопослушность), тема борьбы с антисоциальными явлениями становится архиважной.

В концепции представленной проблемы целесообразным станет определение задачи – исследование преступности и борьбы с ней на территории Донбасса в историческом аспекте развития правоохранительной системы. Ведь особенность региона определяется его положением и значимостью, прежде всего, как промышленной базы в масштабах огромной советской страны. А в период проведения Новой экономической политики здесь, как и во всей стране начала нового этапа, особое внимание уделялось «революционному порядку». Бесспорно, в это время были серьезные «перегибы» и пагубные последствия в действиях органов правопорядка, особенно касательно подразделений чрезвычайных органов, но это другая сторона вопроса. Возможно, ее исследование еще будет продолжено.

Еще одной причиной интереса к данной проблеме исследования стало то, что на протяжении 1920-х годов учет преступных действий именно на территории Донецкого края, в силу различных причин, был неточным и неполным, а значит не всегда объективной выходит оценка. Следовательно, изучение истории правоохранительных органов и их действий предполагает интересную поисковую работу и исследовательский анализ. Именно поэтому наиболее реальный путь к исследованию динамики преступности и развития правоохранительной системы региона на протяжении периода нэпа заключается в исследовании документов и материалов на местном уровне в его административно-территориальных рамках.

Целью представленного исследования стала оценка объективной необходимости функционирования правоохранительных органов в том виде, в котором они существовали в исследуемый исторический период в концепции анализа динамики развития уголовной преступности переходных исторических периодов на базе известных материалов по Донецкому региону за период 1920–1929 годы, а также особенности применения мер по преодолению уголовной преступности в пределах общегосударственной политики и тактики выхода из кризисного состояния.

Анализ последних исследований и публикаций. Существует много исследовательских работ или их отдельных разделов, посвященных вопросам деятельности правоохранительных и чрезвычайных органов власти советского периода в различных временных рамках, определяющих те или иные значимые этапы государственного развития. При этом надо заметить, еще в конце

прошлого столетия достаточно внимания уделялось освещению деятельности милиции в годы нэпа. В этом ракурсе можно вспомнить коллективную монографию «Советская милиция: история и современность» [1]. Здесь рассматриваются пути формирования и поиска решений насущных задач в правоохранительной сфере в целом, исследуются направления решений кадровых вопросов, а также принципы и методы деятельности милиции и уголовного розыска в период нэпа в частности. Однако, недостаточно внимания уделено решению насущных вопросов с учетом местной специфики регионов.

Процесс построения и работы органов правоохранительной сферы в период нэпа исследовали в основном представляют документы и материалы касательно всей государственной системы, и только отдельные вопросы деятельности ревкомов конкретно на территории Донбасса.

Внимания заслуживают источники, дающие информацию о создании и функционировании правоохранительной системы, о методах работы органов этой системы в период нэпа. Но, следует заметить, что анализу территориальных структур по этим вопросам мало, освещение затронутых проблем нельзя назвать абсолютно освещенным. А значит отразить полную и объективную картину оказалось достаточно не просто. Среди современных публикаций, изученных в ходе исследования, можно отметить авторов: В. В. Стадник [2], Р. Г. Буканова [3], Н. К. Еропутова [4] и др.

В процессе авторского исследования при подготовке настоящей статьи были изучены и другие научные источники, представляющие данные об организации правоохранительной системы на территории всей советской страны и Донецкого региона; оценен уровень и общие направления развития органов правопорядка, характер уголовной преступности в годы нэпа и методы борьбы с ней. Здесь вопросы Донбасса раскрывались фрагментарно и без четких определений о количественном и качественном составе правоохранительных органов региона, об уровне их боеспособности.

Стоит также отметить и те источники, без которых понимание общих причин преступности и борьбы с ней в период нэпа был бы неполным. Так, отдельные положения и выводы, сделанные И. И. Диптан в статье «Дети и голод в Украине 1921–1922 гг.» [5], многое прояснившие в причинах детской преступности времен нэпа в Украине и, в частности, в Донбассе. Исследования коллег по

университету: З. Г. Лихолобовой («Частное предпринимательство в промышленности и торговле в условиях нэпа» [6]) дают анализ общих тенденций экономических преобразований в Донбассе в период нэпа, на базе данных о развитии частного предпринимательства в регионе показывают тенденции развития мошенничества и экономических махинаций. Исследования В. М. Никольского раскрывают причины и следствия безработицы в Донбассе в годы нэпа, что дает возможность понимания проблемы с позиции действия правовых норм [7].

Ценным источником информации стал диссертационный фонд научных исследований, среди которых заслуживают внимания работы аспирантов ДонНУ. Так, интерес вызвали работы: О. К. Михеевой («Уголовная преступность и борьба с ней в Донбассе (1921–1928)», 1999), В. О. Волошенко («Комитеты незажиточных крестьян в Донбассе (1920–1933 гг.)», 2003), И. А. Дмитрик («Социальная политика советского государства и ее реализация в Донбассе в период нэпа (1921–1928 гг.)», 2010), С. Н. Волковой («Деятельность местных органов власти Донбасса во второй половине 20-х–30-х годах XX ст.», 2011) и др.

Изучение деятельности правоохранительных органов в разные периоды истории нашей страны дает возможность использовать бесценный опыт в формировании основных принципов и направлений работы. Так, монографии О. К. Михеевой [8], В. А. Золотарева [9], П. В. Доброва [10] представляют данные о функционировании местных органов власти и правопорядка в Донбассе на основе архивных документов и материалов.

Таким образом, анализ литературных источников подтверждает мнение о том, что исследования представленных направлений составляют серьезный арсенал по изучению концептуальных проблем истории Донбасса в правовом аспекте. Что касается периода Новой экономической политики, то здесь следует отметить, что значительное число вопросов хотя и поднималось в научной литературе, но требует более глубокого и всестороннего изучения и переосмысления. Ведь очевидно, что понимание причин возникновения преступности и методы борьбы с ней в период нэпа имеет практическое значение для современных условий научного подхода к осуществлению всей правоохранительной работы при уже существующей системе. Исходя из этого, есть основания утверждать, что борьба с уголовной преступностью на региональном уровне остаются актуальными и

сегодня требуют новых подходов к дальнейшему изучению деятельности всей правоохранительной системы в целом и отдельных ее аспектов в частности.

Основное содержание исследования. Для установления декларируемого «революционного порядка» советская держава требовала мощной и дееспособной правоохранительной системы, которая бы не только противостояла преступности, но внедряла в жизнь новые идеологические факторы. Особенностью первых десятилетий стало то, что созданию государственных правоохранительных органов предшествовала (а потом и сопутствовала) деятельность чрезвычайных структур – ревкомов, чрезвычайных комиссий, политтроек, постоянных совещаний по борьбе с бандитизмом и др. Создание в этот период различных чрезвычайных и государственных органов, имеющих правоохранительные функции, в какой-то степени привело к неопределенности отношений и отсутствию четко определенной сферы деятельности каждого из них. Частыми были ситуации, когда эти учреждения мешали друг другу во время расследования какого-либо дела, тормозили процесс и блокировали следственные действия в силу функций формального характера. Неопределенность вызывали и перманентные организационные изменения в органах правопорядка и судопроизводства. Так, за годы нэпа некоторые из чрезвычайных структур утратили свои правоохранительные функции, другие были ликвидированы вообще, часть трансформировалась и приобрела политический характер.

В 1920–1921 годах в уездах Донецкой губернии было создано и действовало 4 политбюро и 6 уездных отделов чрезвычайных комиссий (ЧК).

Уездные ЧК были в Бахмутском, Гришинском, Луганском, Мариупольском, Старобельском и Таганрогском уездах, а политбюро в Александро-Грушевском, Дебальцевском, Славянском и Юзовском. Каждый из уездов делился на 4–5 участков, возглавляемых участковым уполномоченным.

Организационные поиски в судебной сфере завершились судебной реформой, результатом которой стали ликвидация Народного Суда и Революционного трибунала Донецкой губернии в марте 1923 года и создание Донецкого губернского суда.

Более продолжительным был этот процесс в милиции и уголовном розыске. Вплоть до 1926 года отсутствовало четкое положение, которое

регламентировало бы права, обязанности и границы деятельности милиции, а также и проблемы с подчиненностью уголовного розыска. Это способствовало вмешательству в дела основных органов по борьбе с преступностью со стороны партийных комитетов, руководства исполнительных комитетов и других государственных учреждений, тем самым подрывало и без того достаточно неустойчивую систему.

Организационные поиски сопровождались решениями кадровых вопросов, которые на этом этапе кренились в сторону формирования пролетарского состава правоохранительных органов и соответствующих моменту принципов их действия. Для этого применялись меры: командирование в Донбасс опытных работников из России, мобилизация красноармейцев, привлечение к работе в милиции членов различных комитетов применение практики «выдвижения», а также «чистки».

Исследуемый вопрос формирования и становления законодательных и правоохранительных учреждений теснейшим образом и прямым порядком связан с характером уголовной преступности в данный период, а так же формами и методами борьбы с криминалом, их результативность. Что касается задач Новой экономической политики, то здесь свидетельством и особенностью стали материалы и документы архивного плана [11, с. 57].

Думается, что введение нэпа сыграло роль катализатора в процессе становления правовой системы советского государства. В условиях рыночных отношений правительство было вынуждено установить четкие границы и пределы дозволенного. Издание в 1922–1923 годах Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов впервые с 1917 года позволило правоохранительным органам конкретную ориентацию как в сфере выявления и квалификации преступлений, так и в отрасли процессуальных правил. Но на протяжении данного переходного периода право несколько отставало от динамики изменений в жизни, дополнялось и уточнялось различными правительственными постановлениями, которые иногда противоречили действующим правовым нормам. Эту проблему отставания права от политики пытались решить путем применения принципа аналогии, который присутствовал в Уголовных кодексах как 1922, так и 1927 г.

В начале 1920-х годов этот принцип действительно помогал дополнять уголовное право непредвиденными статьями, но в условиях сворачивания нэпа и в последующие годы статья об аналогии преступлений использовалась как средство нарушения закона.

Оценивая формы и методы борьбы с преступностью следует заключить, что в начале 1920-х годов правоохранительные меры превалировали над профилактическими, а решающей силой в процессе раскрытия преступлений была оперативная работа. И только постепенно, в результате накопления статистики, теоретических и эмпирических данных о состоянии преступности и ее динамике, роста профессионального уровня сотрудников, оперативная работа вынужденно уступала сотрудничеству с информаторами и агентурным разработкам. Имели место методические поиски и системный подход к привлечению новых сотрудников, перспективных кадров для правоохранительных органов. Кадровые вопросы решались, с одной стороны, за счет обращения к наработкам царской полиции, а с другой, в виде инноваций (как, к примеру, распространенный приговор ревтрибунала – «расстрел условно», переселение в другие регионы, мобилизация всего мужского населения из так называемых «бандитских поселений» в Красную Армию и т.п.).

Анализ общих показателей и картины результативности работы правоохранительных органов Донбасса в годы нэпа показал, что сотрудники милиции и уголовного розыска постепенно, в процессе работы, приобретали опыт, повышали собственную квалификацию и компетенцию системы. Этот этап характеризуется, прежде всего, завершением организационного момента деятельности милиции и уголовного розыска, урегулированием системы подготовки специалистов, становлением системы регистрации преступлений и преступников, организацией централизованного руководства и т.п.

Донецкая губернская ЧК и подведомственные ей органы были ликвидированы в апреле 1922 года на основании постановления ВУЦИК. Вместо нее при Донгубисполкоме был создан губернский отдел ГПУ. Документально деятельность ГПУ ограничивалась политическими правонарушениями.

Значительная часть дел, которыми занималась ЧК, перешла в ведение милиции. Именно с 1922 года в милицеских докладах ликвидация ЧК отмечалась как причина ослабления на тот момент работы с преступностью.

Эти перемены фактически завершили период существования чрезвычайного органа и стали началом преобразования его в постоянный орган безопасности, который создавался при НКВД и занимал свое место в системе советской власти. Однако, изменения

государственного экономического курса сказались на состоянии всех органов и учреждений.

В условиях нэпа страна не имела достаточной финансовой базы для их содержания, а учреждения, на которые раньше было возложено обеспечение правоохранных органов и ЧК, не справлялись с проблемами. В течение всего 1922 года финансирование губернских милицеских структур с центра резко сократилось и было удовлетворено все лишь на 30 % от необходимого. Как результат – количественное сокращение аппарата и дезорганизация на местах. Особо эта проблема ощущалась в сельской местности.

В таких условиях руководство ГПУ начало искать выход, объединяя на местах усилия милиции и уголовного розыска. Так, в докладе о деятельности в 1923 году руководства Бахмутской окружной милиции отмечало, что сотрудничество с уголовным розыском недостаточно налажено, а иногда и отсутствует вовсе. Здесь было бы интересно рассмотреть причины такого положения, но в документе факты не зафиксированы. Остается предположить, что на местах плохо осознавалось положение дел в центре, а еще сказывалась строгая засекреченность в делах ГПУ. Подобная ситуация постепенно стала распространяться и на уголовный розыск.

Однако, в 1927 году, когда период нэпа подходил к завершению, вопрос сотрудничества и функциональности правоохранных структур был решен иначе. Теперь все кардинально отличалось от положений 1923г.

В 1925 году произошли незначительные перестановки в связи с ликвидацией губерний и переходом на трехступенчатую систему подчиненности. Начальник Донецкого губернского отдела ГПУ накануне стал заместителем главы ГПУ УССР. В организационных вопросах самой структуры в этот период ничего существенного не происходило.

Следует отметить, что многие деятели того времени и идеологи, не одобрили ликвидацию НКВД и переподчинение милиции ОГПУ, признав ее «политической ошибкой» [12, с. 26].

Еще одним фактом репрессивной политики того периода стало создание Донецкой дивизии войск ВЧК Украины и Крыма, которая тоже сыграла свою роль в преодолении уголовной ответственности в Донецкой губернии. Создание этого военного формирования было вызвано тем, что органы ЧК проводили не только оперативно-розыскную

и следственную работу, но и принимали участие в открытом, часто вооруженном противостоянии «силам контрреволюции» и «политическому бандитизму». С начала формирования военных отрядов происходил поиск организационных форм работы и решения вопросов подчиненности.

С учетом специфики Донецкого региона в рассмотренный период остро встала еще одна проблема – обеспечение нормального функционирования путей сообщения для транспортировки каменного угля, продуктов питания, а также предотвращение разворовывания топлива и других материалов на пути следования железнодорожных составов. В данном случае это не только и не столько борьба с контрреволюционными действиями, но и с уголовщиной. Решением именно этих проблем в Донецкой губернии и занималась Донецкая дивизия войск НКВД, которая подчинялась непосредственно председателю НКВД через члена коллегии – командующего войсками.

Что касается подразделений милиции, то здесь следует отметить, что в этот период работа их была необычайно важна и нужна для региона, как и для всей страны. Но сама милиция переживала тяжелейшие времена: отсутствие обмундирования, обуви, оружия, средств передвижения, плохое продовольственное обеспечение и хронические невыплаты финансов. А еще бандитские формирования всячески противодействовали и вредили работе сотрудников милиции и правопорядку в стране.

В период голода созданы были специальные заградительные отряды для борьбы с расхищениями, мошенничеством и провокациями. К милицейским подразделениям присоединились народные дружинники.

Введение Новой экономической политики, смена политического курса относительно селян привели к определенному спаду «политического бандитизма». Донбасские села, с одной стороны, успокоенные новой политикой, с другой – изнуренные голодом, уже не воевали. Региональные власти правоохранительной системы докладывали в центр, что с контрреволюцией и саботажем «покончено», но при этом, как показывает анализ, в самих органах начинаются внутренние противоречия и чистки.

Таким образом, второе десятилетие XX столетия ознаменовалось укреплением позиций советской власти и правопорядка в регионах. Для этого использовались чрезвычайные структуры, которые решали

одновременно проблемы укрепления государственного аппарата на местах, подавляли оппозицию, принимали участие в преодолении уголовной преступности. Эти структуры были сильно заполитизированы в своих функциях.

Выводы. Деятельность чрезвычайных органов часто предшествовала, а затем и дублировалась с деятельностью правоохранительной системы. Перекрестные действия приводили к конфликтам и требовали более четкого решения организационных вопросов, определения сферы деятельности каждой из этих структур. Также своеобразностью рассмотренного этапа было и то, что большинство элементов этой системы правопорядка, в компетенцию которых входила борьба с уголовной преступностью, объединяли функции как следственные, так и судебные, а также имели право исполнять приговор.

Опыт 1920-х годов показывает, что репрессивные методы не привели к желаемому результату – снижению показателей преступности. Здесь важнее иной вектор. В данном смысле необходимо рассматривать не столько методы работы советской правоохранительной системы в период реформ, а скорее те подходы и рационализм, которые использовались при формировании самой структуры правоохранительной системы, ее принципов работы и позиций.

Проведенное исследование дает основания утверждать, что изученные материалы имеют значение, как для развития науки, так и в плане их конструктивного трансформирования и адаптацию к применению.

Думается, что демократический путь развития государства, переход к новым условиям хозяйствования не должны сопровождаться послаблением социально-правового контроля. Идеальным для сегодняшнего положения есть установление равновесия между свободой и необходимостью.

Доказано, что наиболее перспективным направлением работы правоохранительной системы в борьбе с криминалом должна стать ее профилактика, то есть, предупреждение преступности путем изучения опыта и применения методов блокирования криминогенных факторов. В свою очередь это подтверждает и усиливает необходимость проведения научных исследований, глубокого анализа и понимания сделанных ошибок, адаптации результатов с общетеоретической сферы к практической.

Список источников

1. Советская милиция: история и современность (1917–1987). – М.: Юридическая лит., 1987. – 336 с.
2. Стадник, В. А. Участие территориальных КК-РКИ в чистках партии в конце 1920-х годов (на материалах Донбасса) / В. А. Стадник // Современная научная мысль. – 2022. – № 6. – С. 113–119.
3. Буканова, Р. Г. Деятельность советской милиции в условиях экономического кризиса 1921–1922 гг. / Р. Г. Буканова // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2022. – № 4(12). – С. 8–12.
4. Еропутова, Н. К. Греческое местное самоуправление на Донбассе в 20–30 гг. XX века / Н. К. Еропутова // Евразийский Союз Ученых. – 2018. – № 3-3(48). – С. 30–37.
5. Диптан, И. И. Дети и голод в Украине 1921–1922 гг. / И. И. Диптан // Философская и социологическая мысль. – 1991. – № 1. – С. 101–111.
6. Лихолобова, З. Г. Частное предпринимательство в промышленности и торговле в условиях нэпа / З. Г. Лихолобова // Новые страницы в истории Донбасса. – Донецк, 1992. – Кн. 2. – С. 3–22.
7. Нікольський, В. М. Безробіття в Донбасі часів НЕПу / В. М. Нікольський / / Український історичний журнал. – 1992. – № 3. – С. 50–57.
8. Міхеєва, О. Кримінальна злочинність і боротьба з нею в Донбасі (1919–1929) / О. Міхеєва / Донец. держ. ун-т упр.; Донец. від-ня наук. т-ва ім. Шевченка. – Донецьк: Схід. вид. дім, 2004. – 248 с.
9. Золотарев, В. А. ЧК-ГПУ-НКВД в Донбассе: люди и документы 1919–1941 / В. А. Золотарев, В. П. Степкин. – Донецк: Апекс, 2010. – 510 с.
10. Добров, П. В. Діяльність місцевих органів влади Донбасу у другій половині 20-х–30-х рр. XX століття / П. В. Добров, С. М. Волкова; Донецький нац. ун-т; Інститут історії Донбасу. – Донецьк: ДонНУ, 2013. – 216 с.
11. Сборник документов по уголовному законодательству СССР и УССР (1917–1952 гг.) / под ред. И. Т. Полякова. – Киев: Гос. издат. юрид. лит., 1993. – С. 57–60.
12. ЧК-ГПУ-НКВД в Украине: лица, факты, документы. – Киев: Абрис, 1997. – 26 с.

THE LAW ENFORCEMENT SYSTEM OF DONBASS DURING THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY (1920S)

This article discusses the features and problems of the functioning of the system of law enforcement agencies of Donbass against the background of the

state of criminal crime in the years of the NEP. A number of features of the structure of law enforcement agencies protecting the «revolutionary order» in the region have been identified. The specifics of their activities are revealed. The analysis of the phenomena of criminal criminality is given and the experience of overcoming them in the conditions of transformation of the processes of Donbass in the 1920s.

Keywords: law enforcement agencies of Donbass, law and order, history of the law enforcement system, criminal criminality, NEP period, legal foundations.

Хоруженко Кристина Анатольевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и
истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, Донецк,
E-mail: k.khoruzhenko@donnu.ru

Khoruzhenko Kristina

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the
Department of Theory and History
of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: k.khoruzhenko@donnu.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

 – Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

 – НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

 – Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные

результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2022. – № 2

Технический редактор: А. К. Ярошенко

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел.: +38 (071) 36-707-35

E-mail: redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 29.06.2021 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 9,3.

Тираж 100 экз.

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.